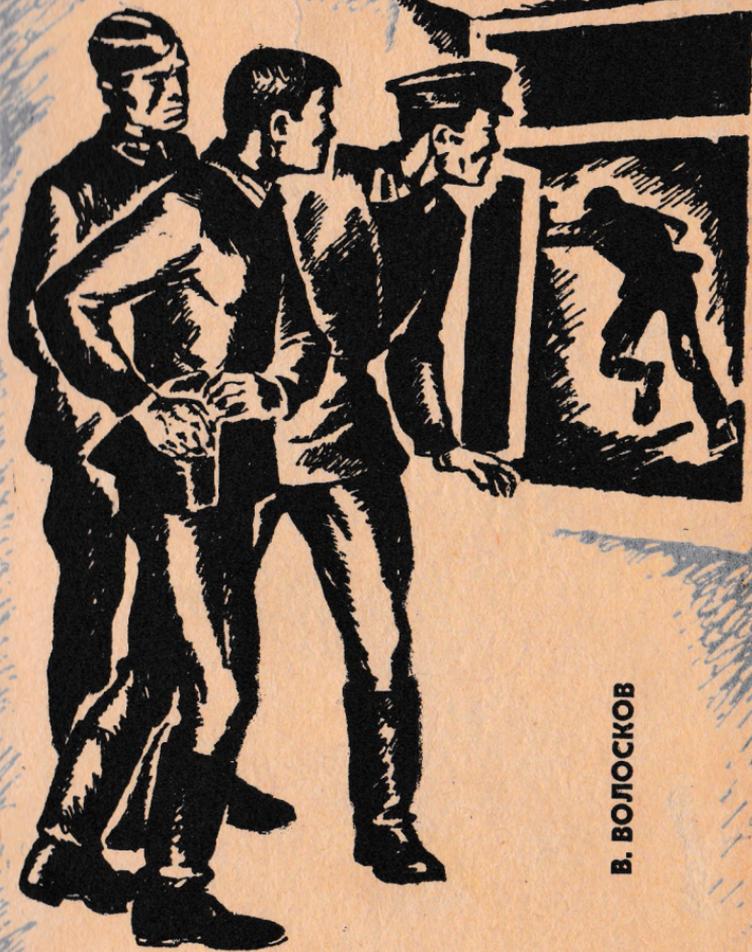

БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

В. ВОЛОСКОВ

СИНИЙ ПЕРЕВАЛ

выпуск 34

БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

В. ВОЛОСКОВ

**СИНИЙ
ПЕРЕВАЛ**

**ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1968**

Идет первый год войны... Фашисты еще недалеко от Москвы, еще окружен Ленинград. Армия наша еще испытывает острую нужду в вооружении и боеприпасах. В далеком тылу, на Урале, спешно восстанавливаются эвакуированные предприятия, в том числе Песчанский химический комбинат. Но для пуска комбината на полную мощность нужна вода, а найти ее в этих местах — не просто. Это знают гидрогеологи, ведущие поиски, знают и враги, пытающиеся задержать пуск важнейшего промышленного объекта...

Автор этой повести Владимир Васильевич Волосков родился в 1927 году в Омутнинске Кировской области. С детства жил в Свердловске. В 1944 году добровольцем ушел во флот. После демобилизации в 1950 году начал работать в геологических партиях. В 1955 году в результате несчастного случая жестоко заболел. Парализован. Новое призвание нашел в писательском труде. В Москве, Свердловске, Перми издал несколько книжек, в том числе в «Библиотеке путешествий и приключений» — две («На перепутье», 1963 г., «Операция продолжается», 1964 г.). Живет в городе Верхняя Пышма Свердловской области. Член Союза писателей РСФСР.

Художник В. Аверкиев

Обычная история

Небо было затянуто низкими плотными облаками, густо валил крупный снег, но мартовский рассвет брал свое. Быстро стаявала ночная синева, оставляя фиолетовые тени за углами изб и бараков, поблек и без того неяркий светлячок уличного фонаря у поселкового магазина. Пахло чем-то свежим и талым, что всегда предшествует первой весенней оттепели.

Дарья Назаровна, хромоногая, но еще довольно бодрая старуха, вышла из своей избы. Постояла у калитки, поглядела на серое небо, слизнула с губ холодную пушистую снежинку и удовлетворенно пробормотала:

— Мозглым несет... К теплу. — И сноровисто заковыляла к ближнему бараку.

В бараке размещались контора и общежитие бурового отряда, в котором Дарья Назаровна работала техничкой, рассыльной, прачкой и еще бог весть кем. Несмотря на обилие должностей, дел у Дарьи Назаровны не ахти как много: затопить вечером печи, прибраться утром, да три раза в месяц постирать постельное. Сейчас Дарья Назаровна шла исполнять одну из главных своих обязанностей — мыть полы после того, как рабочие уедут на участок.

У крыльца она остановилась. На ступеньках толстый слой снега, ни единого следа. До сих пор из общежития никто не выходил.

— Что они, рехнулись? — вслух проворчала старуха. — Скоро на работу выезжать. — И вспомнила: — Ясно дело, дорвались, дрыхнут с похмелья...

Вчера буровикам привезли, наконец, пайковый спирт, который не выдавали более двух месяцев.

Ворча и побряхтывая, Дарья Назаровна извлекла из-под крыльца веник, обмела некрашенные доски. С веником в руках зашла в узкий темный коридорчик. Сначала заглянула в обширную комнату. Так и есть. С двухэтажных нар неся мощный храп. Двадцать пар валенок, увенчанных застиранными портянками, строем стояли на большой русской печи. Часов у буровиков нет. Единственный на весь отряд старенький будильник находился в конторке — если кто и просыпался, то, не зная времени, снова валился на соломенный тюфяк. Начальник отряда Студеница обычно сам делал подъем. На этот раз, видно, и он проспал.

Дарья Назаровна прикрыла дверь общежития и стукнулась в другую, что находилась напротив. Никто не откликнулся. Старуха вошла. Оглядела комнатенку, громко именуемую конторой. В мерклом свете, пробивавшемся из окна, увидела привычную картину: стол, два табурета, железный ящик, узкая койка. На ней, укрывшись одеялом с головой, спит начальник отряда. Поскрипывая изношенным нутром, стучит будильник. На табурете, что возле койки, лекарство, которое всегда на ночь припасал Студеница, и стакан с водой. Все как обычно, как всегда бывало ранним утром. Да еще на треть опорожненная квадратная бутылка.

— Сколь говорила: хворое сердце — не трескай водку. Ан нет! Ох уж эти мужики... — укоризненно проворчала Дарья Назаровна, убирая лекарство и стакан. Понюхала, пригубила, сморщилась: — Окаянный. И в кровати пил. Вставай, Ефим Нилыч. Робят подымать пора.

Студеница не пошевелился.

— Вставай, Ефим Нилыч, — в полный голос повторила Дарья Назаровна и потянула одеяло.

Спящий по-прежнему не подавал никаких признаков жизни.

Предчувствуя недоброе, Дарья Назаровна охнула, прикоснулась пальцами к голый пятке Студеницы и опрометью бросилась из комнаты. Ворвавшись в общежитие, дурным голосом завопила:

— Робя-яты-ы-ы... Ефим Нилыч помер!

Днем дежурный врач поселковой больницы и участковый уполномоченный завершали необходимые формальности.

— Сомнений нет. Сердце, — скучным голосом констатировал врач, пожилой кривоплечий мужчина в помятом халате. — Отвезем в анатомичку, но... — Он махнул рукой. — Обычная история.

— Ясное дело, — согласился уполномоченный. — Я сам вчера говорил ему, чтобы поберегся. Да тоскливо ведь одному-то. Все о жене вспоминал. — Вздохнул. — Эх, жизнь-жистянка! Вот и гадай. Вчера жил, планы строил, а сегодня... Ну, ладно. Будем закругляться. — Он придвинул к себе форменный бланк. — Сего числа, третьего марта тысяча девятьсот сорок второго года мы, нижеподписавшиеся...

Участковому было не по себе. Все четыре месяца, что работали буровики в Песчанке, жили они со Студеницей дружно. Начальник отряда по-соседски ладил с участковым, по субботам ходил к нему в баню, покупал у матери молоко... Накануне вечером прибежал веселый: «Айда ко мне, спиртику выпьем. Слава богу, привезли. Отогреются

хоть мои соколики. А то начисто проморозились нынче. Попробуй-ка в голехоньком поле...» Участковый не пошел, в отделение вызвали. А теперь — хочешь не хочешь — регистрируй смерть невезучего, но в общем-то не плохого человека.

— А как же с документами? — озабоченно спросил старший коллектор Ваня Зубов, долговязый, тощий парень с остриженной наголо острой головой. — Работать-то как?..

Час назад пришла из геологического управления телефограмма, в которой Зубову поручалось временно взять на себя обязанности начальника отряда. Ваня лишь прошлым летом кончил техникум, с делом освоился кое-как и вдруг — будь здоров! — становись начальником. К тому же, как на грех, не оказалось никаких геологических документов. Нашли под подушкой у Студеницы связку ключей, открыли железный ящик, служивший сейфом... Все есть: и деньги, и сменные рапорты, а геологических документов — ни листика... Но ведь были же они, об этом все в отряде знают.

— Я ж сам по всем скважинам колонки вычертил. Куда делись? — горевал Ваня. — Ни пикетажек, ни первичной документации, ни анализов... Куда он их мог задевать?

Участковый положил ручку на стол, подошел к ящику, еще раз осмотрел накладку и два здоровенных висячих замка. Никаких следов взлома. Ни единой царапинки. Пожал плечами:

— Все в ажуре. А не отвез он эти бумажки в управление?

— В управление?.. — Ваня почесал стриженую макушку и вдруг простодушно обрадовался: — Точно! Наверняка увез. Он вечно воров боялся. А тут документы! Завтра поеду — привезу.

Считайте себя на передовой

Едва Купревич успел переговорить по телефону с профессором Дубровиным, как по радио объявили воздушную тревогу.

— Надолго, Коля? — спросил Купревич брата.

— Бог его знает, — безразлично откликнулся тот и устало зевнул. — Во всяком случае ваша светлость может не волноваться. «Юнкеров» ближе окраин давно не допускают.

— А я и не волнуюсь, — огрызнулся Купревич. Он и в самом деле не волновался. Но какое-то настороженно-боязливое чувство заставляло прислушиваться к пальбе зенитных орудий. Так и подмывало подойти к окну, отдернуть черную маскировочную штору, выглянуть.

— Ну, жди машину, а я спать. — Брат опять зевнул. — Хорошо, если минут двести храпануть удастся, а то и раньше на службу вызовут.

— Что, много дел?

— Святая простота! Будто для тебя войны нет. Достается. Шутка ли — каждые девять из десяти предприятий эвакуированы. На колесах! А армия требует самолетов. Вот и крутись!

— Девять из десяти? — поразился Купревич. — Так как же там, на фронте?

— А так... — Брат горько усмехнулся и как был — в сапогах и гимнастерке — завалился на диван. — Ждут новой техники. Заводы же того... Тук-тук-тук. Нынче здесь, завтра там.

— Как же это мы так, Коля?

— Вот так. Фашист нас не спрашивал. Да что с тобой говорить. Провинция... Погоди, денька три в столице поживешь — перестанешь изумляться. — И повернулся спиной.

Купревичу стало жаль похудевшего, измочаленного заботами брата. Николай работал в наркомате авиационной промышленности, и ему в самом деле доставалось — только что вернулся из командировки и с минуты на минуту ждал направления в новую. Уснул он почти тотчас, продолжая чему-то горько улыбаться во сне, будто не грохотали взрывы и не ревели моторами истребители-перехватчики в черном небе над притаившимся в снежной темноте огромным городом.

Купревичу же это было вновь. Он уехал, когда Москва еще не знала воздушных тревог. Потому сейчас, когда брат уснул, ему сделалось немного не по себе. Он погасил свет и, отогнув штору, выглянул в окно.

Пусто, мертво. Мутно сереет грязный мартовский снег. А в черной высоте пляшут над крышами безглазых домов оранжевые зарницы взрывов.

Купревич аккуратно задернул штору, включил свет и устроился поближе к телефону. Он не знал, когда придет за ним машина, не знал и другого — куда его повезут. Вообще не знал ничего.

А совсем недавно все было ясно и просто. Был Юрий Купревич — старший научный сотрудник института химии Академии наук СССР, была своя тема, свой шеф, своя лаборатория, была семья, жена Лена... Потом началась война, и его направили на химические предприятия Востока — помогал внедрять новые технологические схемы, разработанные институтом. И пошло: мотался с завода на завод, организовывал связи, помогал, покрикивал, хвалил и жаловался... Сам всевышний не поймет, кем

является сейчас кандидат химических наук Купревич — не то научный работник, не то толкач, не то инспектор.

Пока крутился волчком в этой затянувшейся командировке, немцы успели оккупировать добрую половину европейской части страны, брат Николай получить ранение и вернуться на работу в наркомат. А Лена стала военврачом, и Купревич застал дома лишь пачку ее писем, присланных оттуда, с войны, где давно полагалось быть ему, а не ей.

Вспомнив о письмах жены, Купревич улыбнулся. Стало веселее — Ленка жива, здорова, Москва живет и борется...

Только вот одно не ясно. Зачем его вызвали? Институт химии давно эвакуирован, Академия тоже. Пришла телеграмма от профессора Дубровина, потом вторая — от директора института. Приказано прибыть в Москву. Пожалуйста. Прибыл. С великой радостью. А что дальше?

Дубровина Купревич отлично знает, учился у него. Профессор руководил его работой над диссертацией. Теперь у него новая должность — член научно-технического Совета по разработке химических проблем оборонного значения. Есть такой при Государственном Комитете Обороны. Не шутка. И вот этому занятому важнейшими делами человеку за чем-то вдруг понадобился затерявшийся в тылу Купревич. Зачем?

По телефону Дубровин ничего объяснить не стал. «Ждите. Придет машина. Привезет куда надо». Вот и все. Кратко и деловито. Совсем не похоже на прежнего приветливого чудака-профессора.

Купревичу надоело сидеть. Он встал, выключил свет и вновь отдернул штору. На окраинах города по-прежнему гулко гремели зенитки, по-прежнему в черном небе плясали огненные всполохи.

На мостовой перед домом появился темный силуэт воинского «виллиса».

— Нет и еще раз нет! — повторил Купревич. — И не уговаривайте, Всеволод Максимилианович. В конце концов я молод, и у меня есть идеалы. Мой важнейший долг... — Он замялся, поняв ненужную высокопарность своих фраз, но подходящие слова как-то не находились.

Дубровин сидел в кресле, уперев локти в стол, положив тяжелый рыхлый подбородок на сцепленные пальцы. Купревич возбужденно бегал по кабинету и по-мальчишески махал руками.

— Я не хуже других! Какой комплекс неполноценности вы во мне обнаружили?

Дубровин медленно поднялся с кресла. Вышел из-за стола, встал рядом с разгоряченным Купревичем. Тот перестал жестикулировать.

— Послушайте, Юрий Наумович, неужели из нас в самом деле могут получиться снайперы? — вдруг очень серьезно спросил профессор и сдвинул на лоб очки.

— Почему именно снайперы? — опешил Купревич и тоже машинально потрогал оправу массивных очков. — Можно...

— Кем? — Близорукие выцветшие глаза Дубровина продолжали оставаться серьезными, он заинтересованно ждал.

— Можно, можно...

— Сколько у вас? — профессор указал пухлым пальцем на очки.

— Левый минус ноль семь, правый — минус шесть...

— Н-да-с, батенька. Даже у меня лучше. Вот вам и комплекс неполноценности!

— Но я же молод!

— Голубчик, Юрий Наумович, для этой войны и я молод. Честное слово! — Профессор произнес это серьезно и внушительно. Настолько внушительно, что Купревич разом забыл о своей досаде и еле сдержал улыбку. Из каждой морщины, из каждой складки крупного, обрюзглого лица Дубровина глядела старость.

— Ну как можно сравнивать, Всеволод Максимилианович...

Дубровин возвратил очки на переносицу. Взглянул на часы. Стал хмурым, строгим.

— Время. Дискуссии конец. Идемте.

— Куда?

— На совместное совещание Совета с представителями оборонных наркоматов.

Заняв место в заднем ряду небольшого переполненного конференц-зала, Купревич с любопытством огляделся. Впервые в жизни он видел в одном месте столько генералов, крупных инженеров и академиков. В президиуме сидели известные всей стране ученые, среди них и Дубровин. Купревич невольно удивился переменам, которые произошли с профессором. Суровый массивный старик весь как-то подобрался, сосредоточился. И Купревич понял: нет и уже никогда не будет прежнего благодушного профессора — огромные забота и тревога стали единственным содержанием его жизни. Впрочем, вскоре Купревич забыл о Дубровине...

Выступал заместитель наркома боеприпасов, и хотя говорил он негромко, каждая фраза отдавалась громом.

— Я уполномочен сообщить совещанию, что наша страна только в период с августа по ноябрь прошлого, сорок первого, года потеряла более трехсот предприятий, изготовлявших боеприпасы...

Купревич был связан с военным производством, и потому с особой очевидностью сознавал значимость каждой из называемых оратором цифр. Раненые фронтовики, с которыми ему случалось беседовать в последние недели, с недоумением и злостью жаловались на малочисленность нашей авиации, на отсутствие танков, на чем свет стоит кляли интендантов, из-за неразворотливости которых на передовой порой не хватало даже мин и снарядов... Купревич возмущался вместе с ними. А на проверку, оказывается, не виноваты извечные армейские козлы отпущения — интенданты.

— Каждый месяц фронт мог получать миллионы и миллионы боеединиц, но не получает, — продолжал заместитель наркома. — Положение создалось тяжелейшее. За истекшие восемь месяцев войны армия расходовала боеприпасы, накопленные еще в мирное время. Я это подчеркиваю. Теперь запасы подходят к концу, а промышленность дает фронту лишь немногим больше половины запланированной продукции.

Купревич зябко повел плечами.

— Итак, необходимы правильные выводы из сложившейся обстановки и незамедлительные действия. Поскольку основным поставщиком сырья для боеприпасов являются предприятия химической промышленности, мы собрались здесь, чтобы принять совместные решения.

«Решения! Но ведь сегодня и завтра на фронте нужны боеприпасы, а не решения!» — тоскливо подумал Купревич и вспомнил о Лене.

Следующим выступал представитель минометной промышленности. Это был сутулый, бледный, очевидно, основательно изнервничавшийся человек. Не успев занять ораторское место у стола президиума, он уронил листок с тезисами, а потом долго не мог ухватить его на скользком паркете. Эти непредвиденные манипуляции окон-

чательно выбили минометчика из равновесия, и, забыв о бумажке, он с горячностью обрушился на всех смежников и поставщиков сразу. Начал жаловаться, что не хватает цельнотянутых труб и стальной ленты, что не поступают вовремя какие-то двухтавровые балки номер восемнадцать... У него, ясное дело, накипело, но говорить долго ему не дали.

— А по существу? — перебил председательствующий.

— Что? — Докладчик мотнул головой, словно налетел на стену. — Ах, по существу... С металлом и материалами как-нибудь вывернемся. Начинка! Дайте нам в достаточном количестве начинку! — Он нервно замахал листком. — Ставка и правительство ежедневно запрашивают о количестве произведенной продукции. А что можем мы? Товарищи химики, дайте в достаточном количестве взрывчатку, а главное — твердое топливо для реактивных снарядов. Дайте начинку! А уж мы не осраимся.

Возвращаясь на свое место, минометчик сутулился больше прежнего и смущенно озирался — понимал, как неубедительно прозвучало выступление. Купревичу стало жаль его. «Сгорит на работе, — сочувственно подумал он. — Не по его нервам должность».

У стола президиума появился представитель наркомата химической промышленности. И сразу по конференц-залу прокатился ропот. Купревич подумал: «Ага! Ключевой докладчик. Быть шторму».

Но представителя химиков шум не смутил. Очевидно, то был тертый калач, наперед знавший, что ласковых слов ему здесь не скажут. Низенький, плотный, с бритой, круглой, как бильярдный шар, головой, он жестом опытного докладчика попросил тишины и заговорил хорошо поставленным, неожиданным для такого маленького человечка мощным басом:

— Да, товарищи, дела плохи. По плану, утверждено-

му правительством, из западных районов страны должно было быть эвакуировано около сорока химических заводов. Часть демонтировать не удалось. Почему? Спросите товарищей военных. Из числа эвакуированных предприятий на новые места полностью прибыли лишь восемь заводов. Где остальные? Надо спросить железнодорожников...

— Что вы киваете на Петра да на Марью! Говорите конкретно: сколько заводов, из числа вывезенных, дают продукцию? — перебил его моложавый генерал-лейтенант, сидевший в первом ряду.

— Три! — отрубил докладчик и зло присогнул шею.

«Только три!» — ужаснулся Купревич. Как бы ни были велики потери промышленности на Западе, все же на Востоке имелись крупные металлургические и машиностроительные предприятия. Полностью переключив их на выпуск военной продукции, можно было решить многие проблемы, связанные с оснащением армии необходимым оружием. Но взрывчатка, пороха... Исходное сырье для их производства — азотную и серную кислоты — поставляют химические предприятия. А таких предприятий на Востоке мало. И в один миг их не построишь...

Тем временем между докладчиком и моложавым генералом завязалась перепалка:

— Что вы можете дать оборонной промышленности в ближайшее время? На что можно рассчитывать? — настаивал генерал.

— Все действующие предприятия работают с предельной нагрузкой. Производственники выжимают из имеющихся установок все что можно. Даже более того. Все мировые рекорды съема продукции перекрыты!

— Нас рекорды в данный момент не интересуют. Говорите ясно — сможете в ближайшее время существенно увеличить выпуск порохов и взрывчатки?

Докладчик отер платком вспотевшую лысину, зачем-то оглянулся на президиум.

— Если не введем в эксплуатацию дополнительные мощности, то не сможем. Надо форсировать строительство и монтаж новых заводов. Это единственный выход из положения.

В зале повисла тревожная, напряженная тишина.

Купревич почувствовал на себе чей-то внимательный взгляд. Он давно ощущал подспудную неловкость, но только в этот момент внезапно осознал, что его с самого начала совещания кто-то пристально рассматривает. Резко обернувшись, увидел на противоположном краю зала молодого человека. Взгляды их встретились. Молодой человек не смутился. Спокойно отвернулся, предоставив Купревичу возможность разглядывать себя сколько ему заблагорассудится.

«Тридцати еще нет. Ни разу не встречал... Кто он?»

У молодого человека ничем не примечательное округлое лицо, слегка вздернутый нос, короткие белобрысые волосы аккуратно причесаны. Лицо как лицо, пиджак как пиджак. Как у многих. И все же молодой человек чем-то неуловимо отличался от всех участников совещания. Купревич долго приглядывался, пока догадался: тот точно так же, как он, Купревич, пришел сюда слушать, а не принимать решения, у него тоже нет портфеля на коленях, нет карандаша над раскрытым блокнотом...

— Песчанский химический комбинат на полную мощность работает? — наконец нарушил тишину чей-то голос.

— Нет. Песчанский комбинат еще не выдает готовую продукцию, — скучным голосом откликнулся бритоголовый химик.

— Как так? — заместитель наркома боеприпасов даже дернул головой. — Крупнейшее химическое предпри-

ятие Востока все еще не действует? Вы же еще в декабре утверждали, что оно накануне пуска!

Зал взорвался:

— Возмутительно! Какая безответственность! И это в такое время, когда решается судьба страны!

— Тише, товарищи! — мощный бас докладчика перекрыл шум. — На Песчанском комбинате сернокислотный и аммиачный комплексы работают на полную мощность.

— Они и до войны давали продукцию! Нам не аммиак и кислота нужны, а пороха и взрывчатка! — продолжал бушевать зал. — Безобразия!

«Вот и шторм!» — резюмировал Купревич.

— Итог всепрощения! — возмущался генерал, обращаясь к залу. — Либеральничаем, верим пустым обещаниям...

— Действительно безобразие! — вторил ему сутулый минометчик. — Мы ждем с Песчанки специальные пороха, считаем действующим предприятием, а тут...

— Объясните совещанию, почему Песчанский химкомбинат до сих пор не дает готовой продукции, почему цикл не замкнут? — потребовал заместитель наркома.

— Интересно, что эти химики еще придумали в свое оправдание? — сердито крикнул кто-то.

— Ничего придумывать не собирались! — возразил докладчик. — Завершение строительства Песчанского комбината и ввод его в строй действующих срываются из-за недостатка технической и питьевой воды.

— Чего?

— Воды! Самой элементарной воды. Аш-два-о... Проблема водоснабжения комбината до сих пор не решена! — теряя остатки самообладания, затравленно рявкнул химик.

И зал опять взорвался:

— Что же думали раньше? Почему об этом никто ничего не знает?

Председательствующий яростно тряс над головой старомодным колокольчиком, пока зал не затих снова.

Грузно поднялся со стула Дубровин. Заговорил медленно, глухо:

— Товарищи, поменьше эмоций! Не будем тратить время впустую. Государственному Комитету Оборона и правительству доложено о положении, сложившемся в Песчанке. Поэтому и созвано настоящее совещание. Члены нашего Совета уже выезжали на место. Действительно, пуск завода азотной кислоты и кооперированных с ним цехов по производству взрывчатых веществ срывается из-за недостатка воды. Предполагалось этот дефицит покрыть за счет подземных вод, но гидрогеологи с задачей не справились — нужного количества воды не обнаружили. Мы специально пригласили на совещание секретаря Зауральского обкома партии товарища Голубничего, начальника геологоуправления товарища Рыбникова и представителя государственного геологического комитета товарища Прохорова. Давайте послушаем их. — И Дубровин сделал приглашающий жест куда-то в сторону.

— Ничего, мы с места, — звонко сказали оттуда.

Все обернулись на голос.

Во втором ряду, с краю, особняком сидели трое и, не обращая внимания на всеобщее любопытство, о чем-то совещались. Их деловитость, очевидно, понравилась присутствующим. На некоторых лицах мелькнули улыбки. Купревич тоже улыбнулся — три встрепанных чуба, прикнувшие друг к другу, казались до потешного похожими.

Один из совещавшихся встал. Молодой, высокий, юношески красивый.

— Рыбников, начальник Зауральского геологического управления, — отрекомендовал Дубровин.

— Наше управление создано незадолго до начала войны, — без излишних предисловий звонко заговорил Рыбников. — Естественно, ни нужными кадрами, ни технической базой обзавестись не успели. Тем не менее, согласно решению правительства, нам в первые же дни войны был резко увеличен план по приросту запасов руд черных и цветных металлов. Мы перестроились, мобилизовали все наличные силы на выполнение этой оборонной задачи. Затем неожиданно поступило срочное задание по Песчанскому комбинату. Разумеется, направить туда было некого. Все же мы организовали небольшой гидрогеологический отряд, как сумели, укомплектовали его людьми и оборудованием. Результат вам известен. Малыми силами такую сложную и важную проблему, как обеспечение водой огромного химкомбината, в имеющихся условиях решить невозможно. — Рыбников тряхнул красивой головой и так же, как начал, деловито заключил: — Обком партии и комитет по делам геологии всесторонне рассмотрели положение дел, сложившееся у нас в Песчанке. Передаю слово товарищу Голубничему.

Секретарь обкома был еще более краток. Подтвердил сказанное Рыбниковым, потребовал:

— Необходимо сегодня же выработать какие-то рекомендации правительству и Центральному Комитету партии. Зауральское геологическое управление маломощно — своими силами решить проблему не сможет. Соседние уральские области ни людьми, ни техникой помочь нам не в состоянии. Их геологоразведочные организации также выполняют важнейшие государственные задания. Давайте искать приемлемый выход из положения, товарищи!

— Да, надо искать выход, — подтвердил третий —

представитель геологического комитета Прохоров. — Видимо, в начальный период войны была допущена ошибка при бронировании рабочей силы. Геологоразведочная служба страны направила в армию лучшие свои кадры, причем в таком количестве, что восполнить убыль в специалистах мы теперь не в состоянии. Если вопросы с буровой и прочей техникой могут быть как-то решены, то геологов, и особенно гидрогеологов, — взять сейчас просто негде.

По залу снова пронесся шумок.

— У вас есть какое-то мнение? — поинтересовался Дубровин.

— Да. — Прохоров оглянулся на Голубничего с Рыбниковым. — Мы тут посоветовались и... Нет иного выхода. Надо отозвать из действующей армии некоторых специалистов.

«Ого!» — в который уже раз за этот вечер поразился Купревич.

Военные всплошились. Опять вскочил моложавый генерал-лейтенант:

— Как? С фронта?

— Да.

— Товарищи, товарищи! — председательствующий вновь затряс колокольчиком. — Прошу внимания. Есть предложение объявить небольшой перерыв. Давайте немного отдохнем, обменяемся мнениями в неофициальной обстановке, а потом будем говорить конкретно, обсудим имеющиеся предложения.

В вестибюле к Купревичу подошел Дубровин. Он взял молодого ученого под руку и отошел с ним в пустынный коридор.

— Ну-с, и как вам?

— Оглушен, — мрачно признался Купревич. — В Мо-

скве такой порядок, такое спокойствие. Я очень ободрился сегодня днем, когда приехал. А на самом деле... Даже тревожно...

— Да, причин для тревоги больше чем достаточно. Создавшееся положение можно выправить только энергичными действиями. Общими, согласованными и обязательно энергичными.

— Конечно. Обстоятельства диктуют. Иначе, как говорится, просто нельзя.

— Вот и хорошо! — Дубровин охватил белыми пухлыми пальцами дряблый подбородок. — Очень хорошо, что поедете на новое место с полным пониманием своей миссии. При сложившейся ситуации это очень важно. Очень важно...

— Куда поеду?

— В Песчанку.

— Кем?

— Постоянным представителем научно-технического Совета по разработке химических проблем при Государственном Комитете Оборона.

— Всеволод Максимилианович, ведь я...

— Ничего, ничего, батенька, — сурово оборвал Дубровин. — Там тоже фронт. Вам предстоит на месте увязывать многие вопросы. Я говорю об этом заранее, так как после перерыва будет официально объявлено о вашем назначении.

— Всеволод Максимилианович... Я молод. Есть другие...

— Ничего, ничего. — Голос Дубровина подобрел. — Я все понимаю. И Лена ваша поймет. Она умница. Еще гордиться вами будет. Если в ближайшие месяцы Песчанка не начнет выдавать взрывчатку и пороха — положение на фронте может сложиться трагическое. Так что считайте себя на передовой, Юра.

Вам надлежит выехать в Москву

С утра, как обычно, майор Селивестров обходит позицию батальона. Нужды особой в том нет — уже более месяца как фронт стоит, с головой закопались и советские, и немецкие войска в стылую землю. Майору знакомы каждый ход сообщения, каждая огневая точка, но привычка есть привычка, и хотя за истекшие сутки не случилось никаких чрезвычайных происшествий — Селивестров следует по обычному маршруту, выслушивает доклады ротных командиров, делает замечания, а то и разнос, если попадетя на глаза какой-нибудь распутившийся от спокойной жизни солдат, нарушающий приказ о строжайшем соблюдении маскировки.

Как всегда в это время, откуда-то из-за леса, что си-неет за речкой, разделившей пополам нейтральную полосу, изредка постреливают немецкие орудия. Бьют куда-то в тыл. Наши не отвечают. Не то не желают обнаруживать себя, не то экономят снаряды. Иногда то там, то здесь завязывается ружейно-пулеметная дуэль. Погремит — и так же внезапно прекращается.

Все эти привычные утренние шумы не отвлекают Селивестрова от обязательных хозяйственных дум. Батальон — не дивизия, а все-таки хозяйство... За всем нужен глаз, все надо предусмотреть.

Под досками и лапником, что набросаны на дно траншеи, похлупывает. Подогревает повеселевшее мартов-

ское солнце. Прибавляется талой воды. А что будет, когда настоящая ростепель нагрянет? Позиция батальона в низине, на речной болотине. Зальет начисто. Селивестров смотрит на свои валенки, и мысли его сами собой настраиваются на соответствующий лад. Пришла пора менять зимнюю обувь, надо послать в лес бойцов, чтобы наготовили половых решеток, надо найти способ, чтобы отвести от окопов и блиндажей паводковые воды...

Большой, неповоротливый, широкоплечий, занятый своими делами и думами, обходит майор Селивестров позицию, а вслед за ним уже мчится по траншеям ординарец.

— Хозяин прошел? Давно? Куда?

И мчится дальше. Настигает Селивестрова у блиндажа пулеметчиков.

— Товарищ майор, вас срочно к телефону.

— Скажи, что через полчаса вернусь, — хмурится Селивестров — не любит, когда отрывают от дела. Знают ведь в штабе полка, что утром он всегда на обходе.

— Срочно, товарищ майор! — круглые большие глаза ординарца округляются еще больше.

Что-то необычное.

— Кто? — тихо спрашивает комбат.

— Не знаю. Капитан Суворков приказал пулей лететь.

Начальник штаба батальона капитан Суворков — человек серьезный, бывалый. По пустякам горячку пороть не станет.

Майор поворачивает назад.

— Где тебя черти носят? — нетерпеливо гудит в телефонной трубке простуженный баритон командира полка майора Резника. — Добрый час жду.

— Сам знаешь.

Селивестров с Резником приятели, еще недавно были ротными в одном батальоне, потому позволяют себе не церемониться.

— У тебя что, какое-нибудь че-пэ?

— Нет. Полный порядок.

— А от тебя не скрыли?

— Еще не бывало такого.

— Пожалуй. От тебя не скроешь. Зачем же тогда первый вызывает?

— Меня? Вместе с тобой?

— В том-то и дело, что без меня.

— Зачем?

— А я откуда знаю. Приказал срочно тебя направить. Вот и все. А может, тебя тоже на полк переводят? — эта мысль, очевидно, только-только пришла Резнику в голову, он обрадованно хохочет: — А что, очень даже стоящая кандидатура. Ну, Петро, за тобой банкет! — И спохватывается: — погоди! Это как же... Без всякого моего ведома забирают лучшего комбата!

— Ишь ты, уже успел собственником стать, — усмехается Селивестров.

— погоди, на новой должности сам быстрехонько закуркулишься. Теории теориями, а своя рубашка в самом деле ближе к телу, — парирует Резник. — Ну, ни пуха ни пера. На обратном пути зайдешь.

— Добро.

«Первый» — командир дивизии полковник Гурьевских. Станный вызов. Гурьевских комбатов вниманием жалуется редко. Вызывает лишь в исключительных случаях, когда предстоит поручить особо важное задание. И всегда вместе с командиром полка. Действовать через его голову полковник привычки не имеет. Это у него железный закон. А тут вдруг вызывает одного... Что такое могло случиться?

Полковник Гурьевских — кадровый командир. Не из запаса, как Селивестров с Резником. Несколько раз ранен. Контужен. Где-то в Белоруссии потерялась у полковника семья. Вдобавок ко всему во время январских боев под Старой Руссой погиб его брат, командовавший ротой в соседней дивизии. В общем, хватил лиха Гурьевских за восемь месяцев войны. Поэтому Селивестров прощает ему резкость, излишнюю грубоватость и безапелляционный тон. Прощать-то прощает, а бывать у полковника не любит.

Майор вздыхает и повторно садится бриться. Приказывает ординарцу приготовить свежее обмундирование. От беседы с полковником он не ожидает ничего хорошего. Так что надо быть с иголки. Помимо деловой требовательности, Гурьевских невероятно придирчив к внешнему виду офицеров.

Командир дивизии приветствует майора обычным кивком и садится. Завести разговор не спешит, перебирает какую-то бумажку. Селивестров стоит возле стола и гадает, что последует за этой паузой. Ему неприятно затянувшееся ожидание. Обычно Гурьевских ценит и свое, и чужое время: пришли к нему — приступает к делу сразу.

— Чаю не хотите? — вдруг предлагает комдив.

— Спасибо, уже позавтракал, — отказывается Селивестров.

— Ну, коль так... — Гурьевских барабанит тонкими пальцами по столу, и Селивестров начинает понимать, что комдиву хотелось поговорить неофициально, по-дружески, но он разучился за время войны принимать гостей, быть хлебосольным хозяином.

Майор жалеет, что отказался от чая, но уже поздно.

— Вот что, — поразмыслив, произносит полковник. — Идемте, прогуляемся. Тут к нам минометное подразделение прибыло...

— Слушаюсь, — по-казенному откликается майор и начинает волноваться — ему ясно, что пройтись полковник решил вовсе не из-за минометчиков, что думает он о чем-то другом.

На окраине лесной деревеньки высится наполовину сгоревший сарай. В уцелевшей половине его временно разместились минометчики, отдыхают после марша. Полковник машет дежурному лейтенанту — не надо рапорта, направляется к минометам, стоящим в боевом положении под дощатым навесом.

— Вы свободны, лейтенант.

Они останавливаются у одного из минометов. В стороне топчется продрогший часовой, маячит у двери сарая обеспокоенный лейтенант. Гурьевских стучит мундштуком с потухшей самокруткой по минометному стволу. Тот отзывается глуховатым звоном.

— Хорош?

— Доброе оружие, — соглашается Селивестров, не зная, что этим хочет сказать комдив. Обычный 120-миллиметровый полковой миномет — экая невидаль! Стоило из-за этого...

— Новые, — говорит полковник.

— Да, — опять соглашается озадаченный Селивестров.

— Вам ничего это не говорит?

— Нет, не говорит. — Селивестров не любит пожимать плечами.

— Да-с... До войны специальные трубы для минометных стволов поставляло единственное предприятие в стране — днепропетровский завод имени Карла Либкнехта. А в Днепропетровске теперь... Эти же новенькие. Не доходит?

— Нет.

— Да-с... Значит, где-нибудь на Урале уже организо-

вали выпуск таких труб. Выходит, восполнена потеря днепропетровского завода.

— Теперь понимаю.

По худому длинноносому лицу Гурьевских проскальзывает улыбка. Долговязый, прямой — про таких в народе говорят: аршин проглотил, — он еще раз пригибается, стучает по стволу, слушает. Потом поворачивается к майору, смотрит на него в упор.

— Вы, кажется, с Урала?

— Да. Кунгурский.

— Хороша у вас пещера.

— Да, хороша.

— Да-с... И с какого времени, Петр Христофорович, мы вместе воюем?

— С третьего дня войны.

— Правильно. С того дня вместе. С того самого времени... Памятные деньки...

В апреле 1941 года военкомат направил инженера-гидрогеолога Селивестрова на военную переподготовку. Дело не новое, и раньше случалось уезжать на два-три месяца в лагерь. Но в июне его неожиданно аттестовали, стал он капитаном инженерных войск и срочно выехал на запад, в один из строящихся укрепрайонов. На новом месте прослужил всего двое суток. Едва успел встать на довольствие, получить койку в казарме и личное оружие, как началась война.

Все в штабе строительства смешалось. Связь с высшим командованием оборвалась, своих войсковых частей не имелось, бомбили немцы нещадно — пришлось строителям прибиваться к чужим подразделениям, кто куда сумел.

Примкнул и Селивестров. Сначала, как полуобученный «технарь», болтался при штабе дивизии, потом вы-

просился во взводные, из окружения под Брянском вышел ротным. А после переформирования от Осташкова к Старой Руссе вел в наступление батальон. И все в одной дивизии, все под началом скупого на похвалу полковника Гурьевских.

— Да-с... — комдив издает какое-то подобие вдоха. — А ведь из командного состава осталось нас, старичков, всего трое: вы, я да Резник. Ветераны, так сказать. Остальные...

Селивестров не хуже полковника знает, где теперь остальные.

— После войны, не всех, но найдем. Постараемся, во всяком случае, найти.

— Пожалуй, — соглашается Гурьевских. Он выбивает из мундштука окурок и вдруг спрашивает: — Много обид на меня накопили?

— Что вы, товарищ полковник! Какие могут быть у меня обиды?

— Ну-ну... — как-то по-незнакомому тепло усмехается Гурьевских. — Хочу, чтобы вы знали, что я всегда считал вас отличным воином и командиром. Всегда. И надеялся в скором времени видеть вас командиром полка. Да-с...

«К чему это он?» — забыв о субординации, Селивестров привычно трет кулаком подбородок. Комдив озадачил его не на шутку.

— К сожалению, этому не быть, — тихо произносит Гурьевских. — Раньше нам редко случалось быть вместе. А наедине — никогда. Поэтому я решил доставить себе это удовольствие хотя бы на прощание.

— На прощание?

— Да. — Полковник круто поворачивается к Селивестрову. — Самым срочным образом вам надлежит выехать в Москву!

В кабинете начальника одного из отделов Главного управления военно-промышленного строительства генерал-майора инженерных войск Кардаша дымно. Курит сам хозяин кабинета, курят гости, не курит лишь майор Селивестров. Ему не до курения. То, о чем говорит сейчас Кардаш, настолько серьезно и важно, что майор боится отвлечься, слушает внимательно, забыв о толстой папиросе, зажатой в огрубевших пальцах.

Генерал-майор знакомит Селивестрова с обстановкой, сложившейся на Песчанском химическом комбинате.

В углу, на диване, сидят доктор геолого-минералогических наук Прохоров и симпатичный молодой человек, назвавшийся Купревичем. Купревича Селивестров видит впервые, а вот с Прохоровым они старинные знакомые. В давнее мирное время Прохоров трижды был официальным оппонентом Селивестрова, когда тот защищал свои отчеты по проведенным геологоразведочным работам.

Прохоров — внешне мужчина мрачный. Лицо аскетическое, изрезанное глубокими морщинами, губы блеклые, узкие, кожа на острых скулах желтая, сивый чуб постоянно встрепан, а шея боксерская, накачанная, плечи крутые. Но приглядишься — взгляд у Прохорова умный, доброжелательный, тонкие губы закручены кончиками вверх, всегда готовы к улыбке. Добряк, компанейский мужиқ, уж это-то Селивестрову известно отлично. Дважды, грешным

делом, вместе «обмывали» успешную защиту отчета (на которой до хрипоты спорили) в столичном «Метрополе». Традиция. Ведь потом опять в поле, опять далеко от дома...

Оттого, что Прохоров сейчас здесь, Селивестров чувствует себя уверенней.

Вообще майору жаловаться не на что. Из штаба фронта отправили его первым же самолетом. Как важную персону. Не успел остынуть от удивления, как новый сюрприз — на столичном аэродроме встречает специальный представитель. Отвез прямехонько в гостиницу, поместил в шикарный «люкс». И в отделе кадров наркомата обороны тоже встретили радушно. Разъяснили, что направляется для дальнейшего прохождения службы в Главное управление военно-промышленного строительства, пожалели на прощание руку...

— ...Таким образом, принято решение отозвать с фронта некоторых ведущих специалистов — укрепить геологоразведочную службу страны, — продолжает неторопливо говорить Кардаш. — Одновременно при нашем управлении решено создать несколько специальных воинских подразделений для выполнения особо важных задач. Одно из них должно в срочном порядке решить проблему водоснабжения Песчанского комбината. Командиром этого подразделения назначаетесь вы. Вопросы есть?

Селивестров не спешит высказаться. Чиркает наконец спичкой, вдыхает забытый аромат «Казбека».

— Не нравится слово «подразделение»? — улыбается генерал. — Что ж, можно назвать батальоном или еще как-то... По-войсковому.

— А-а... Не в наименовании дело, — морщится Селивестров и спрашивает в упор: — Скажите, почему выбор пал именно на меня?

— Рекомендованы государственным геологическим комитетом.

Селивестров оглядывается на Прохорова. Тот пожимает плечами:

— Чего тут неясного... Ты долго работал в районах, примыкающих к Зауральской области. Можно сказать, монополист по тем краям. Никто из гидрогеологов не работал так близко к Песчанке, как ты.

— Хороша близость — двести километров, — усмехается Селивестров.

— Но геологические и гидрогеологические условия одинаковы! — продолжает недоумевать Прохоров. — Не понимаю, что тебя смущает?

— Просто хотел знать, почему именно я отозван с передовой.

— Теперь вы удовлетворены? — интересуется Кардаш.

— Да.

— Деловые вопросы есть?

— Есть. — Селивестров поворачивается к Прохорову. — Почему местом строительства комбината избран именно Песчанский участок? В гидрогеологическом отношении район совершенно не изучен. Это же нелепо — планировать обеспечение производства за счет подземных вод там, где их может не быть. Не вижу логики!

Генерал Кардаш смотрит на майора с любопытством. Прохоров разводит руками и кивает Купревичу: ваше слово. Тот встает, подходит к столу, разворачивает карту.

— Это на первый взгляд нет логики, — простуженным тенорком начинает он. — Посмотрите сюда. В трех километрах от Песчанки еще с довоенного времени существует предприятие, производящее серную кислоту. Это раз. В самой Песчанке завод по производству аммиака. Это

два. Смотрите: железная дорога рядом, электроэнергия есть. Песчанка связана высоковольтными сетями с уральской энергосистемой. Мощные подстанции налицо. Местоорождение угля поблизости. И главное — имеются все необходимые бытовые службы, есть большой излишек жилой площади...

Селивестров с интересом слушает. Купревич красив какой-то свежей, почти девичьей красотой. При среднем росте и плотном сложении, он выглядит стройным, а иссиня-черные волнистые волосы, белое лицо, выразительные карие глаза и улыбчивые пухлые губы делают его очень молоденьким.

— Так где возводить эвакуированные заводы? В любом другом промышленном районе плохо с жильем, все помещения забиты, везде не хватает электроэнергии и топлива, — продолжает Купревич. — А люди и оборудование уже в вагонах! Где время строить новые дома, пекарни, бани, столовые? Где время и материалы на строительство дорог, линий электропередач, подстанций? Нет их. Согласны?

— Согласен, — невозмутимо произносит Селивестров.

— Ну и отлично! — ободряется Купревич. — Потому и была выбрана Песчанка. Выходит, есть логика?

— Логика есть. А вода? — с той же невозмутимостью спрашивает Селивестров.

Купревич колеблется, затем признается:

— Мне лично думается, что в эвакуационной спешке этот вопрос провентилировали недостаточно тщательно. Правда, говорить об этом уже поздно...

— Я тоже так считаю, — соглашается Прохоров и подходит к столу. — Но кое-что и в этом направлении сделано. — Его палец ползет по карте. — Смотри, Петр Христофорович. Река Песчанка зарегулирована полностью. И на ней, и на всех ее притоках построены плотины,

созданы водохранилища. Следовательно, в весенний паводок за пределы района уйдет ровно столько воды, сколько необходимо селениям, расположенным ниже по течению.

— И все же? — Селивестров деловит и по-прежнему невозмутим.

— И все же воды не хватит.

— Каков дефицит?

— Как минимум, десять тысяч кубометров в сутки.

— Десять тысяч кубометров! — подтверждает Кардаш. — Десять миллионов литров. Это при условии, что подача воды на бытовые нужды будет строго лимитирована.

— Около ста двадцати литров в секунду, — уточняет Селивестров, и непонятно, значительной или ничтожной считает он эту цифру.

Купревич, Прохоров и Кардаш переглядываются.

— Так что задача перед тобой, Петр Христофорович, стоит трудная, — тихо произносит Прохоров. — Район закрытый, неизученный... К тому же начинать поиски придется заново, практически не имея опорной геологической документации.

— Но там же работает отряд Зауральского геологического управления. Что-то у них все равно есть!

— В том-то и дело, что нет. Они пробурили около сорока мелких скважин и везде вскрыли соленую, не пригодную к употреблению воду. Но и по этим скважинам документации нет.

— Как так? — спокойствие у Селивестрова будто ветром сдувает, взлетают вверх жидкие брови.

— Так получилось. От сердечного приступа скончался начальник отряда. После его смерти никакой первичной геологической документации в сейфе не нашли...

— Что за чертовщина! — еще больше изумляется Селивестров.

— Да, странная история, — снова вступает в разговор Кардаш. — Ею сейчас занимается старший лейтенант Бурлацкий. Он назначен в ваше подразделение старшим гидрогеологом и уже выехал в Песчанку. Ему даны особые инструкции.

— Бурлацкий? — Селивестров трет кулаком подбородок. — Не припоминаю. Что, опытный специалист?

— Нет. По специальности работал всего два года. Потом был призван в органы... — поясняет Прохоров.

— Ага, чекист. Тогда все ясно, — уже без удивления говорит Селивестров. — Значит, он займется этой историей с документами?

— Бурлацкий все объяснит вам на месте. Введет в курс дела обстоятельней, нежели это можем сделать мы, — чуть улыбается Кардаш. — Как видите, задача перед вами ставится, так сказать, с начинкой...

— Хороша начинка! — бурчит Селивестров. — Да ничего — переварим.

— Отлично, — с облегчением произносит Кардаш и многозначительно поглядывает на Купревича с Прохоровым — перед встречей с майором они, все трое, очень беспокоились, как он отнесется к заданию «с начинкой».

— Ну, кажется, все ясно! — Кончики бесцветных прохоровских губ обрадованно ползут вверх. — Теперь тебе, Петр Христофорович, и карты в руки. Гидрогеологический отряд, что в Песчанке, полностью вливается в твое подразделение. Со всем своим хозяйством.

— Представляю себе это хозяйство! — скептически бросает майор.

— Да, приданое в самом деле не богатое, — подтверждает Кардаш. — Но вы не беспокойтесь. В ближайшие дни в Песчанку будет отгружено все самое лучшее, что

мы можем в настоящее время дать. Поэтому вам придется задержаться в Москве. Юрий Наумович представит вас во всех соответствующих организациях. — Кардаш кивает на Купревича. — Он наделен чрезвычайными полномочиями. Будет в Песчанке представителем Государственного Комитета Оборона. Поэтому в случае любых осложнений...

— Ну, об этом мы договоримся в рабочем порядке, — улыбается Купревич.

— Договоримся. — Селивестров тоже улыбается — симпатичный особоуполномоченный нравится ему.

— Тогда будем закругляться. — Кардаш прихлопывает обеими ладошками по столу. — План ясен. Вы с Юрием Наумовичем решаете все дела с кадрами и техникой здесь в Москве, а Крутойрцев с Гибадуллинским выезжают на место, в Песчанку, для скорейшего формирования подразделения.

— Крутойрцев с Гибадуллинским? — ахает Селивестров.

— Да. Ах, вы еще не знаете... — спохватывается Кардаш. — Капитан Крутойрцев назначен вашим заместителем, а лейтенант Гибадуллин помпотехом. Остальных специалистов Леонид Романович представит вам в ближайшие дни.

Селивестров оглядывается на Прохорова. В желтых глазках того пляшут веселые чертики. И майор догадывается: милейший доктор наук разыскал старые геологические отчеты, узнал, вместе с кем многие годы работал он, Селивестров. Любому ясно, что сработавшиеся специалисты успешнее выполняют поставленную задачу. Но все же... Разыскать давних друзей Селивестрова в военном шторме, разметавшем и перемешавшем миллионы человеческих судеб, — чего это стоило Прохорову! Ну и молодец!

А с Крутоярцевым и Гибадуллиным Селивестров в самом деле съел не один пуд соли. Добрый десяток лет вместе кочевали по Уралу, Западной Сибири, Северному Казахстану. Селивестров — начальником партии, Крутоярцев — прорабом буровых работ, Гибадуллин — главным механиком. Добрый десяток лет! Расстались в апреле 1941-го...

Оставшись один, Кардаш пододвигает к себе деловые бумаги, углубляется в чтение. Но читается плохо. Шум, доносящийся в кабинет из-за неплотно прикрытой двери, мешает генерал-майору. Он зажимает уши ладонями, но сосредоточиться все равно не может. Наконец не выдерживает. Встает, подходит к двери, заглядывает через щель в приемную.

Там праздник. Огромный, как вставший на дыбы матерый медведь, Селивестров тискает приятелей. Капитан Крутоярцев худ, высок, его смуглое, цыгановатое лицо растроганно кривится, он, сдается, готов вот-вот расплакаться. Зато маленький, живой как ртуть, совсем не похожий на татарина, рыжий, конопатый Гибадуллин заливается таким счастливым смехом, что Кардашу вдруг самому до перхоти в горле хочется засмеяться. Счастливы старые бродяги, ишь, как обрадовались!

— Откуда же вы взялись, черти этикие? — зычно гудит Селивестров, не переставая тискать закадычных своих друзей.

— С Северо-Западного фронта, Петя, с Северо-Западного... С непромокаемого, непробиваемого, непобедимого Северо-Западного...

— А меня под Ростовом так прямо из танка выдернули. Честное слово! Прямо из танка... — хохочет Гибадуллин.

Требовательно дребезжит телефон. Кардаш с сожалением прикрывает дверь.

Начинать придется с нуля

Уже двое суток курьерский поезд мчал Купревича с Селивестровым на восток. С каждым часом приближались они к незнакомому зауральскому поселку с немудреным русским названием — Песчанка.

Отдыхать в столице было некогда. Пустовал селивестровский шикарный «люкс», лишь перед отъездом сумел еще раз заглянуть домой Купревич. Не-

отложные дела наплывали косяками, и решать их надо было быстро. Выручало одно — по неписаному закону с начала войны все центральные учреждения работали почти круглосуточно. Вот и мотались по столице Купревич с Селивестровым — добивали ночами то, что не успели сделать днем.

Дубровин и Кардаш высоко оценили их оперативность. При прощании вручили билеты в международный вагон курьерского поезда. Пожалуй, в тот час ничто другое не обрадовало бы так, как перспектива трое суток с комфортом отсыпаться на мягких диванах в двухместном уютном купе.

— Ну, дам дрозда! — погрозился тогда Селивестров. — Пока бока до дыр не протру — не подымусь. За всю войну отосплюсь.

А вместо этого, вздремнув всего несколько часов, сидел безотрывно у окна. Смотрел, удивлялся, переживал — за восемь месяцев войны привык видеть если вагоны, то вверх колесами, если вокзал, то разрушенный,

если эшелон, то только воинский. К давно знакомой, но позабытой суетной мирной жизни тыловой железной дороги привыкал заново...

Купревичу тоже не спалось. За вагонным окном удивить его уже ничто не могло, поэтому он валялся на диване, просматривал деловые бумаги да косился на широченную спину навалившегося на столик Селивестрова.

Майор вызывал у Купревича сложную мешанину чувств. Были тут и острое любопытство, и открытое уважение, и упорно зреющая симпатия, и еще что-то такое, чего он сам понять не мог — что-то похожее на зависть. Увидев впервые Селивестрова, Купревич сначала немного удивился — уж слишком крупен был майор, уж слишком мало интеллигентного было в его широкоскулом, обветренном, кирпично-красном, почти безбровом лице. Впрочем, через некоторое время Купревич отметил себе: «А этот медведь не дурак. Знает что к чему!» Но главные впечатления пришли позже, когда они бок о бок «проталкивали» в Москве дела, связанные с проблемами Песчанского химкомбината.

Вот только тут и увидел Купревич настоящего Селивестрова. Немногословный увалень с майорскими «шпалями» на петлицах превратился вдруг в пробивного, до чрезвычайности упрямого и всезнающего спеца. Не Купревич Селивестрова, а как раз наоборот, Селивестров таскал Купревича по всем столичным инстанциям, разъяснял: где, кто и чем ведает, у кого надо выбивать то, у кого это...

Вызревший в соку вальжжных академических нравов, Купревич и дела вел в соответствующем духе: корректно, с достоинством. Селивестров действовал иначе. В первый же день сочинил письмо-отношение, в котором в общих чертах сообщалось о государственной важности быстрейшего ввода в строй химкомбината «П» (он так и обозна-

чил «П» — и ничем больше, все остальное означали жирные кавычки), размножил это письмо на официальных бланках управления и под грифом «секретно» разослал фельдсвязью во все семнадцать ведомств, с которыми ему предстояло иметь дело. Вдобавок к этому, собственноручно, толстыми своими пальцами, отстукал на машинке для себя такой грозный мандат, какого, пожалуй, не имели самые чрезвычайнейшие представители Верховного Главнокомандующего.

Когда невозмутимый майор принес всю эту кипу бумаг для официального подписания, то даже выдавший виды Кардаш крикнул.

— Это что... Проект или окончательно? — произнес генерал после долгого молчания.

— Окончательно! — отрубил Селивестров, и Купревич увидел, как упрямо метнулись на его скулах желваки.

— Тэк-с... — Кардаш подвинул Купревичу мандат и одно из писем. Тот прочел их, пожал плечами. Таких официальных документов ему встречать не приходилось. Купревич ждал, что генерал тотчас укажет на то, что подобные письма рассылать не принято, что столь грозных мандатов ни он, генерал-майор Кардаш, ни кто-либо другой выдавать не имеют права, что вся эта затея необычна, навивна.

Но произошло неожиданное.

— Тэк-с... — Кардаш чему-то хитро улыбнулся. — Что ж, если вариант окончательный, то надо подписывать... Заметьте, Юрий Наумович, — сказал он внушительно, когда майор покинул кабинет. — Этот Селивестров — личность. Прохоров знал, кого рекомендовал...

Несмотря на столь лестный отзыв многоопытного генерала, в первый совместный официальный поход по инстанциям отправился Купревич с большой неохотой. Не давала ему покоя селивестровская затея с письмами и

грозным мандатом. Но опасения оказались напрасными. Майор знал, что делал.

Селивестров не отирался в приемных, не одаривал немолимых секретарей и адъютантов просящими улыбками. Прибыв в очередное учреждение, прямым ходом отправлялся к начальнику спецчасти. Предъявлял свой мандат, интересовался: получен ли документ относительно объекта «П». Услышав утвердительный ответ, просил спецработника захватить с собой вышеозначенное письмо и пройти вместе с ним, с Селивестровым, к руководителю учреждения. Далее все происходило с поразившей Купревича схожестью. Даже самые вышколенные секретари пасовали перед внезапно появившимся в приемной военным, которого сопровождал озадаченный начальник спецчасти. Купревичу оставалось лишь поспешать, когда майор бросал через плечо:

— Юрий Наумович, не отставайте.

Поезд прибыл на станцию Песчанка днем. С юной веселостью в бездонном голубом небе плавился ослепительный диск весеннего солнца. Синеватый парок струился над обтаявшими досками небольшого дощатого перрона. Доливали последние безгорестные слезы редкие сосульки, уцелевшие на северных углах крыши старинного низенького вокзальчика.

Едва Купревич и Селивестров вышли из вагона, как им навстречу двинулась группа военных. Первым подбежал Крутойрцев:

— С приездом, товарищ майор!

Селивестров протянул руку, но между ним и капитаном появился юркий худенький человечек в штатском.

— Вы Купревич?

— Да, — отозвался Купревич.

— Очень рад, очень приятно, — осклабился человек в приветливой улыбке. — С приездом! Товарищ Батышев лично приехал вас встретить. — И оглянулся на полнолицего невысокого мужчину в кожаном пальто, стоявшего в конце перрона.

Мужчина подошел, пожал Купревичу руку:

— С приездом, Юрий Наумович. Давно поджидаю. Машина за вокзалом. — И радушно пригласил гостя за собой.

То, что директор химкомбината решил сам встретить его, не удивило Купревича. Неприятно покорило лишь то, что Батышев не только не поздоровался с Селивестровым, но даже не захотел его заметить. Уходя вслед за директором, Купревич виновато оглянулся. Селивестров вроде бы не обратил внимания ни на самого Батышева, ни на его высокомерие — обрадованно здоровался с товарищами, сипло бася на весь перрон:

— Ну, как тут у вас?

Среди военных, окруживших майора, Купревич вдруг увидел того самого молодого человека, который разглядывал его на совещании. Только теперь на нем была отлично подогнанная новенькая шинель с тремя кубиками на петлицах.

«Вот оно что... — догадался Купревич. — Старший лейтенант госбезопасности Бурлацкий!»

Прямо с перрона Селивестров отправился на разгрузочную площадку. Широко шагая по железнодорожным путям, он рассеянно слушал Крутоярцева и Гибадуллина, докладывавших о ходе формирования подразделения, о количестве прибывших специалистов и полученной техники, а сам гадал, что скажет ему молоденький старший лейтенант, с которым он только что познакомился. Но

Бурлацкий не вмешивался в беседу. Он шел сбоку, курил американскую сигарету и лишь изредка кивал, как бы подтверждая достоверность всего сказанного. Селивестрову это понравилось.

Ни слова не произнес старший лейтенант и на товарном дворе, пока майор осматривал прибывшую технику, знакомился с механизаторами и буровиками, грузившими на тракторные сани обсадные трубы. И это опять-таки понравилось Селивестрову. В том сложном деле, которое им выпало решить, Бурлацкому предстояло сыграть немаловажную роль. Потому скромная манера держаться, умение, когда нужно, помолчать, неприметная внешность — все это было весьма кстати.

Только поздно вечером Селивестров с Бурлацким оказались наедине. Они сидели в небольшой комнатке офицерского общежития. Две застланные койки, два табурета, стол — здесь им предстояло жить.

— Надеюсь, не особенно сердитесь, что навязал вам свое общество? — поинтересовался Бурлацкий. — Решил, что это в интересах дела. Не надо лишний раз искать повода, чтобы остаться наедине.

— Разумно сделали, — одобрил майор. — Ну, хвалитесь новостями.

— Собственно, хвалиться нечем. Проза. Проверяю очевидные факты.

— Что же все-таки произошло с этим Студеницей?

Пока Бурлацкий рассказывал об обстоятельствах смерти начальника отряда, Селивестров внимательно слушал, бросая на собеседника быстрые изучающие взгляды. Майору все еще не верилось, что к самой смерти Студеницы и к исчезновению геологической документации может иметь отношение вражеская агентура. Думалось, молодой чекист должен вот-вот встать, виновато развести руками и сказать: «Дурацкое совпадение получилось».

Нашлись документы. Напрасно подняли тревогу...» Но старший лейтенант говорил другое, и Селивестров вдруг ясно ощутил, как непрочна и обманчива мирная видимость глубокого тыла, в которую он поверил было, просидев почти трое суток у вагонного окна.

— Та-ак... Значит, документы все же не нашлись... — задумчиво произнес он, когда Бурлацкий закончил рассказывать.

— Пока не нашлись. Между прочим, следов взлома на двери или сейфе не обнаружено.

— Так... Что, женат этот Студеница, стар, молод?

— Вдовец. Недавно исполнилось сорок. Говорят, человек был со странностями. Почему-то постоянно опасался воров. Домашних.

— Почему?

— Пока не ясно. В Зауральске проживает его сестра. Планирую завтра заехать к ней.

— Завтра? Завтра и я еду в Зауральск. Надо побывать в геологическом управлении.

— Вот и отлично. Значит, заедем к сестре Студеницы вместе, — обрадовался Бурлацкий. — Вдвоем — это менее настораживающе. Если я везде буду появляться в одиночку, то это может броситься в глаза!

Селивестров понимающе кивнул.

— Кстати, не мешает побывать и в тресте Мелиоводстрой. Этот трест во времена оно проводил в районе Песчанки неудачные поиски подземных вод. Студеница опирался на их материалы при составлении проекта работ.

— Любопытная деталь. Обязательно побываем, — согласился майор и поинтересовался: — Не забыли гидрогеологию, не тянет назад?

— Тянет... — неожиданно очень искренне вздохнул Бурлацкий. — Я хоть и недолго проработал самостоятельно, но зато очень удачно.

— Кем, где?

— Начальником отряда. В Забайкалье. И теперь нет-нет да и вспомню. Тянет. Это ведь как стойкий яд — заражаешься на всю жизнь.

— Действительно стойкий яд, — опять согласился Селивестров. Ему, кадровому геологоразведчику, пришлось по душе признание молодого человека. — Специальность стоящая у нас. Значит, не забыли?

— Нет.

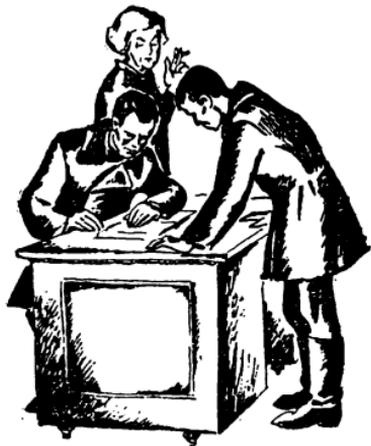
— Что ж, представляется возможность потряхнуть стариной. Причем в интересной ситуации — начинать-то придется, как у нас говорится, с нуля!

— Да, начинать придется с нуля, — подтвердил Бурлацкий.

Кто второй!

Приехав в Зауральск, Селивестров с Бурлацким прежде всего направились к начальнику геологического управления Рыбникову. Рыбников оказался звонкоголосым общительным молодым человеком спортивного сложения. Гостей встретил радушно. Ознакомил со всеми документами по песчанскому отряду, сохранившимися в управлении после смерти Студеницы.

— Так... — произнес обычное свое Селивестров, полистав тонюсенький томик проекта, переплетенный грубым картоном. — Не щедрое наследство. Геологической

части практически нет. Типовой региональный разрез со ссылкой на несколько древних мелиоводстроений скважин... И все?

— Да. — Рыбников развел сильные руки. — Студеница был неважным проектантом, его амплуа — производство. Впрочем, на его месте любой другой спец не высал бы из трестовских материалов ничего более существенного. Бурили-то в начале тридцатых годов. Документировали кое-как. Сами знаете, как это бывало в подрядных организациях, буривших по договорам артезианские скважины для колхозов...

— Знаю, — сказал Селивестров. — И что, никаких записей после Студеницы не осталось?

— Нет, к сожалению. Он имел привычку, получив отпечатанный на машинке текст, уничтожать черновики. Стеснялся. Каллиграфия у него была... — И Рыбников покачал головой. — Обычно он диктовал. Редким почерком обладал человек. Нарочно не придумаешь. Никто читать его не мог!

— Помощников у Студеницы не было, материал для проекта он собирал один? — поинтересовался Бурлацкий.

— Один. Гидрогеологов в управлении раз-два — и обчелся!

— Это точно?

— Один. Можете проверить по книге приказов. У нас так плохи дела со специалистами, что мы лишь месяц назад смогли послать в помощь Студенице старшего лектора. Зубов. Переведен в ваше подразделение.

— Знаем, — кивнул Бурлацкий. — Значит, инженерно-технических работников больше в отряде не имелось?

— Не имелось. Старшие буровые мастера были командированы в Песчанку, когда проект был составлен и утвержден.

— Понятно.

Маленький деревянный домишко, принадлежавший Студенице, ютился на самой окраине Зауралья. Сестра его оказалась высокой сухопарой женщиной лет пятидесяти пяти, с узким желтым лицом и небольшими недоверчивыми глазами.

— Из управления? — с сомнением произнесла она. — Какие еще бумаги? У меня уже была милиция. Тоже искали чего-то. Не нашли. Никаких бумаг Ефим дома не держал. И привычки не имел.

— Нам уже говорили, — очень искренне огорчился Бурлацкий. — Но все-таки, может, что-нибудь осталось? Мы оба после госпиталя, а теперь вместо Ефима Нилыча работать назначены...

— Что, на войне ранены были? — тем же тоном спросила женщина, продолжая подозрительно разглядывать одетых в гражданское нежданных гостей.

— А то где же... — вдруг густо и сердито пробасил Селивестров — ему надоело стоять в дурацкой позе у каютки.

В бледно-желтом лице хозяйки дома что-то дрогнуло, она еще раз оглядела мужчин с ног до головы, задержала взгляд на галифе, видневшихся под черными полушубками, неуверенно пригласила:

— Коли так... Проходите тогда...

Селивестров с Бурлацким последовали за ней.

Предложив гостям стулья, сестра Студеницы уже более мягким голосом пожаловалась:

— У меня единственный сын тоже с первого месяца войны в армии. Раньше хоть редко, да писал, а нынче уже целый месяц ни строчки... Вдруг что-нибудь...

— Ну, сейчас на фронте затишье, — заверил Бурлацкий. — Как раз за последний месяц крупных операций нигде не было. Так что не волнуйтесь, Марфа Ниловна.

— Какой номер полевой почты? — спросил Селивестров.

Хозяйка назвала.

— Так... — Майор потер подбородок кулаком, оживился. — Кажется, не ошибаюсь. Наш номер. Северо-Западного фронта.

— Северо-Западного! — всплеснула руками Марфа Ниловна. — Валя писал, что по пути на фронт в Рыбинск к невесте заезжал: Где этот Рыбинск? Там холодно?

— Не очень, — усмехнулся Селивестров. — Не холоднее ваших мест.

— И спокойно там? Боев нет?

— Бои нынче везде есть. В том числе и на Северо-Западном. Но если по дурусти пуле голову не подставил — жив ваш сынок. Я недавно оттуда, — успокоил женщину Селивестров.

— Жив, говорите... Дай-то бог! — вздохнула Марфа Ниловна и, спохватившись, хлопнула себя по бедрам: — Господи! Да что же это я... Поди, есть хотите... Угощать нечем. Картошка, капуста квашеная да чай... Чайку ждете? Без сахара, правда...

— Чай? Это здорово! — быстро поддержал ее Бурлацкий. — В самый раз. А мы с Петром Христофоровичем горевали, что обедать всухомятку придется. Я сейчас. У нас в машине и сахарок найдется!

За чаем разговор наладился. Правда, пришлось набраться терпения и выслушать длинный рассказ Марфы Ниловны о том, как она стала вдовой, как растила сына, как выучила его на инженера и как он вдруг ни с того ни с сего влюбился в некую рыбинскую девушку Женю, такую «красавицу без высшего образования — каким-то диспетчером в электрике работает».

— Ведь не отпускала! Нет, все же ушел добровольцем... Никто не гнал, — расплакалась в заключение Мар-

фа Ниловна. — Ефима просила хоть словечко замолвить — вместо отца Валечке-то был — так как в рот воды набрал... Будто у него племянников мильён...

— И долго вы вместе с Ефимом Нилычем жили? — воспользовался паузой Бурлацкий.

— Как же... Как овдовела я, так напололам этот дом и купили. Пятнадцать годов без малого. Ефим как раз институт кончил...

И опять последовал длинный рассказ о том, как хорошо они жили, пока брат не женился на «вертихвостке Болдыревой», работавшей у него в подчинении. Далее Селивестров с Бурлацким узнали, что Ефим любил жену, не верил предупреждениям сестры, называл их сплетнями, и что хуже всего — после смерти Болдыревой (она утонула в 1939 году) «порядочной жены» искать себе не стал, а начал «заглядывать в рюмку», хотя у него шалило сердце, хотя она, Марфа Ниловна, предупреждала о последствиях...

— А все эта Болдырева! — резюмировала Марфа Ниловна. — В недобрый час навязалась на Ефимову шею. Поздно ее бог прибрал! — И мстительно поджала блеклые губы.

Селивестров, глядя на хозяйку, подумал, что у нее, несмотря на сегодняшнее гостеприимство, очевидно, сатанинский характер и что Студенице с женой жизнь в этом доме была не райской.

— Говорят, Ефим Нилыч постоянно боялся воров, — снова воспользовался паузой Бурлацкий. — Это возникло у него на почве алкоголя?

— Ну да... алкоголя! — сердито фыркнула Марфа Ниловна. — Я его выучила. Полоротый больно был. То в карман к нему залезут, то в поезде вещи стянут, а то сам не припомнит, куда деньги подевает... Что вертихво-

стка его, что он — два сапога пара... Проучила несколько раз — оглядчивей стал.

— Та-ак...

— Как один Ефим-то остался, я ему сказала, чтобы деньги мне отдавал. У меня целее. Все равно промотает. Он на меня волком. Нынче ведь известно, как братья старших сестер почитают... Ну, да у меня не больно нахитришь! Я где угодно найду...

«Видно, что хорошая язва, — мрачно подумал Селивестров, у которого давно пропала всякая охота к чаю и бутербродам с салом, которые они с Бурлацким взяли в дорогу. — Такая проныра любого сторожиться научит...»

— А я думал, от алкоголя... — простодушная улыбка все-таки получилась у Бурлацкого. — Он, что, и вещи все с собой возил?

— А-а... какие у него вещи! — отмахнулась Марфа Ниловна, настораживаясь. — Известно, геолог-бродяга!

— Та-а-а-к... — промычал Селивестров.

— Что, не верите? — глаза у хозяйки блеснули. — Могу имущество показать. Комната его рядом. Я туда после похорон и шагу не шагивала.

В небольшой, простенько обставленной комнатке было чисто и опрятно. Селивестров незаметно провел пальцем по протертому подоконнику, поглядел на свежewe-мытый пол и подумал, что хозяйка почему-то их обманывает.

— Вот, полюбуйте! — Марфа Ниловна распахнула дверки массивного старинного шифоньера, в котором висел черный выгоревший пиджак и несколько старых вылинявших сорочек. — Все его богатство! Что подбрее и с себя, и с жены — пропил!

«Сволочь ты хорошая!» — грустно подумал Селивестров, переглянувшись с Бурлацким. Они оба отлично знали, как много нужно пьянствовать одинокому полевику-

геологу, чтобы пропивать не только свою немалую зарплату, но и вещи, знали и то, что покойный работяга Студеница никогда не был пьяницей.

— Он за этим столом занимался? — Бурлацкий хлопал по шероховатой поверхности небольшого письменного стола, который, судя по всему, был и обеденным, и хозяйственным.

— За ним! — Марфа Ниловна с видимым облегчением захлопнула дверки шифоньера, подошла к столу, стала один за другим выдвигать полупустые ящики. — Ничего тут нету. Смотрели уже, приезжали...

Бурлацкий с Селивестровым принялись рассматривать валявшиеся в ящиках бумаги. Копии старых накладных, полузаполненные бланки и отчетные формы за прошлые годы, измятые географические карты, потрепанные блокноты...

— Так... Действительно... — Селивестров отложил в сторону несколько блокнотов, тонкую ученическую тетрадку, кусок мятой кальки, на которой зеленой тушью был набросан какой-то план с упоминанием Песчанки. — Вот это я все-таки возьму, — сказал он Марфе Ниловне. — Тут записи за последнее полугодие.

— И больше нигде ничего? — еще раз спросил Бурлацкий, уже ясно осознавший, что все в этой комнате тщательно обшарено предприимчивой хозяйкой и ненужное (с ее точки зрения) выброшено.

— Все здесь, — сердито ответила Марфа Ниловна, утратившая остатки любезности. — В кладовке еще спецовка его да шмутки, что из Песчанки привезли... Нательное белье грязное и всякое такое... Можете полюбоваться, ежели охота есть. — И недобро поджала губы. — Мой Валька-то в дяде души не чаял, выше родной матери ставил... Прописала в письме, какое наследство дядя ему

оставил. Срам сморгнуть. Пятнадцать лет в начальниках ходил... Тьфу!

Селивестров с Бурлацким покинули дом с тяжелым чувством.

В тресте Мелиоводстрой настроение у майора и старшего лейтенанта не улучшилось.

— Не пугайтесь, — сказала им Анна Львовна, главный геолог треста, белоголовая изящная старушка, дымившая огромной махорочной самокруткой. — Нас три раза переселяли с места на место. А теперь трест ликвидируется вообще. Некому и нечем работать.

— Та-ак... — прогудел Селивестров, озираясь.

Обширная запыленная комната была сплошь заставлена шкапами, сейфами, ящиками с бумагами, папками и прочим канцелярским добром. Лишь у одного из окон стояло три стола, за которыми занималась ликвидационная комиссия.

— М-да... — безнадежным голосом поддакнул Бурлацкий, но все же подал старушке геологине письмо, подписанное Рыбниковым.

— Материалы по Песчанке? — старушка наморщила лоб. — Подождите! Месяцев пять назад представители управления уже снимали копии колонок.

— Да, — подтвердил Бурлацкий, — но они затерялись. Нам хотелось ознакомиться с вашими материалами еще раз. Что, это теперь невозможно?

— Почему? За кого вы нас принимаете! — с достоинством вскинула белоснежную голову Анна Львовна. — Фондовые материалы и картотеки в надлежащем порядке. Мы передадим их отделу фондов геологуправления в целости и сохранности. — Она встала, быстрыми шажками подошла к одному из емких шкафов, открыла его.

Бурлацкий и Селивестров увидели полки, на которых тесными рядами стояли пронумерованные папки.

— Посмотрим... — Анна Львовна порылась в одном из ящиков, извлекла объемистый реестр, полистала. — Тысяча сто тридцать шесть. Пэ... пэ... Песчанка. Ага... Правильно. — Положив реестр на место, достала из шкафа нужную папку, протянула Бурлацкому. — Пожалуйста, эти материалы не секретные.

Бурлацкий развязал тряпичные тесемки, открыл... и с изумлением оглянулся на Селивестрова. Майор озадаченно почесал кулаком подбородок. Папка была пуста. Лишь на тыльной стороне красовалась аккуратная этикетка: «Песчанский район Зауральской области».

Почувствовав неладное, старушка заглянула через плечо Бурлацкого в папку. В умных выцветших глазах мелькнула растерянность.

— Боже мой... Что это?

— Возможно, в спешке геологические колонки положили в другую папку?.. — предположил Селивестров.

— Когда дело касается документов, я никогда не спешу! — сухо отрезала Анна Львовна. — Я сама проверяла в декабре все папки.

— Может быть, Студеница забыл вернуть вам материалы? — сделал еще одно предположение Селивестров.

— Полноте! Я отлично помню, что положила синьки с разрезами на место. — Анна Львовна быстро отошла от стола и, безошибочно ориентируясь в хаосе, царящем в комнате, взяла из какого-то ящика пухлую папку.

Вернулась, недолго порылась в подшивке документов, вздохнула.

— Вот...

Селивестров с Бурлацким увидели почти такое же — какое сами привезли — письмо геологоуправления за подписью Рыбникова.

— Вот... — Анна Львовна показала надписи, сделанные на обратной стороне бумажки.

«Геологические колонки в кол-ве семи шт. получил...» — и следовала закорючка.

— Студеница, — расшифровал Бурлацкий.

Ниже следовала четкая запись: «Колонки в кол. семи шт. возвращены...» — и изящная подпись.

— Вот... — повторила Анна Львовна. — Я сама приняла документы. Это были последние посетители. После них к нам за материалами уже никто не обращался.

— Почему посетители? Студеница, кажется, был один, — осторожно заметил Бурлацкий и наступил Селивестрову на носок сапога.

— Почему один?.. Их было двое. Оба в черных полушубках. Вот в таких же, как на вас...

— Наверное, Студеница брал кого-нибудь себе в помощь, почерк-то у него... — небрежно согласился Бурлацкий и обратился к майору: — Кто бы это мог быть? Может, и копии геологических колонок у него? — И уже к старушке геологине: — Каков он из себя?

Та пожала плечами, потеряла виски.

— Одного я хорошо запомнила. Высокий, лысеющий. Лицо заметное: худое, узкое, горбоносое. Несколько болезненное, я бы сказала...

— Студеница, — сказал Бурлацкий. — А второй?

— Вот второго не припомню... — Как бы удивляясь себе, Анна Львовна развела руками: — Тоже в полушубке. А больше ничего как-то не припоминается. Знаете, бывают такие... размытые, что ли... лица. Ничего характерного, индивидуального...

— Жаль, — огорчился Бурлацкий.

— А может, все-таки Студеница был один? Может, спутали с кем-нибудь?.. — не сдержался Селивестров —

как-никак, из рук уплывал единственный шанс ухватить первую ниточку истины.

Бурлацкий снова нажал на носок селивестровского сапога.

— Спутала? Мне не с кем путать, — уязвленно сказала Анна Львовна. — Повторяю: это были последние наши посетители такого рода. Я — геолог, я не могу этого не помнить.

— Да нет, Петр Христофорович, — вмешался Бурлацкий. — Мы просто не в курсе дела. Студеница в таких случаях всегда брал себе помощника с более подходящим почерком.

— Да, да! — вскинула седую голову Анна Львовна. — Действительно, писал тот, которого трудно вспомнить... Второй. Но я отлично помню — он курил весьма ароматные сигареты. Дивные сигареты по нынешним временам. Возможно, какие-нибудь зарубежные или трофейные... Я заядлая курильщица... — старушка смущенно улыбнулась, — так что меня сильно подмывало попросить хоть одну... Но я постеснялась.

Очутившись вновь в автомашине, майор со старшим лейтенантом многозначительно переглянулись, помолчали.

— Двое, — произнес наконец Селивестров. — Кто же второй?

— Икс! — откликнулся Бурлацкий. — Но, по крайней мере, появился хоть один неизвестный в нашей задачке... Это не так уж плохо.

— Вот что, — вдруг решил Селивестров, взглянув на часы, — нам к ночи надо быть в Песчанке... Так что не будем терять времени. Гони к главному почтамту. Позволить надо.

В будке телефона-автомата двоим, облаченным в полушубки, крупнотелым мужчинам было тесно, но Сели-

вестров с Бурлацким все же втиснулись в нее. Замерли, дожидаясь ответа Рыбникова.

— Понимаю, — сказал тот. — Хотя это маловероятно. Вы удачно позвонили. У меня как раз совещание. Собрались все руководящие работники управления. Сейчас я наведу точные справки.

— Но надо найти такую форму вопроса, чтобы эти ваши работники не знали... — начал было объяснять Селивестров.

— Я все понимаю, Петр Христофорович, — не дослушав, сказал Рыбников. — Абсолютно все. Не кладите трубку, сейчас я спрошу...

— Закурим, товарищ майор, — предложил напряженно прислушивавшийся Бурлацкий.

И они закурили, забыв об очереди, выстроившейся возле будки.

Наконец в трубке кашлянуло.

— Вы напрасно надеялись, — сказал Рыбников. — Студеница действительно просил кого-нибудь себе в помощь, но у нас не было ни одного свободного человека. Главный геолог отказал ему. Так что расспросить помощника не представляется возможным. Студеница работал с проектом один.

Селивестров с Бурлацким поняли, что «напрасно надеялись» и «расспросить» — предназначались для участников совещания.

— Что же теперь намерены делать? — спросил Селивестров, когда они снова очутились на пустынной вечерней улице.

— Трудный вопрос, — помолчав, признался Бурлацкий. — Надо посоветоваться с товарищами из областного управления. Они сейчас принимают меры, чтобы исключить возможность диверсии на самом химкомбинате, а гидрогеология целиком поручена мне.

Просвета не видно

Юркий «виллис», натужно ревя двигателем, не ползет, а плывет по раскисшей ухабистой дороге. Шофер, тихо ругаясь, яростно крутит баранку — старается вести машину так, чтобы не разбудить уснувшего майора. Но Селивестров не спит, просто закрыл глаза и думает.

Больше недели кружит он по Песчанскому району, и причин для трудных раздумий становится больше и больше.

С каждым лишним километром проделанного пути майору очевидней — надо избирать новое направление геологических поисков. объездил участки, где бурил отряд Студеницы, — Ваня Зубов точно указал на местности все пробуренные скважины. Побывал почти во всех сельсоветах, расспрашивал: где берут щебень и бутовый камень для строительства, не бурил ли кто-нибудь в их местах, интересовался колодцами, отбирал из них пробы воды. И чем глубже вникал Селивестров в обстановку, тем мрачнее становилось у него лицо.

Все складывается плохо. Нет выхода на поверхность скальных пород. Завозят строительные материалы в Песчанский район издалека. Все колодцы прорыты в глинах и песках. Воды в них очень мало, да и та солоновата на вкус.

Студеница заложил скважины грамотно. В разных местах и на разные водоносные горизонты. Нет точных разрезов, зато удалось получить в городских лаборатори-

ях, куда он отправлял пробы, копии анализов воды. Отрадного мало. По всей исследованной площади и на всех вскрытых скважинами глубинах результат один: подземные воды высокоминерализованные, к использованию не пригодны.

Теперь майору ясно: в районе Песчанки пресную воду искать почти бесполезно. Сложен район древними морскими осадочными отложениями: сверху глины, потом пески, прослойки глин, опять пески... И вода на всех горизонтах горько-соленая. Знакома Селивестрову эта простирающаяся на тысячи квадратных километров толща меловых песков. Приходилось вести длительные исследования в таких породах.

С воем скребется «виллис» по весенней грязи, переваливается, как шлюпка на крупной волне, с боку на бок. Закрыв глаза, думает Селивестров, мучается. Как ни крути, а главное решение принимать ему. Сколь ни мощна толща песчано-глинистых отложений — подстилают ее коренные скальные породы, из которых сложена так называемая Уральская горная страна. Как бы спрятался, нырнул древний Урал под эти более молодые отложения. На какой глубине в районе Песчанки находятся эти скальные породы, называемые геологами доюрским фундаментом? Не ровен этот «фундамент». Может оказаться на глубине ста метров, трехсот, пятисот, тысячи... В трещиноватых скальных породах может оказаться пресная вода. Сколько же до этих пород?

Обещали Селивестрову в ближайшее время прислать несколько сейсморазведочных станций, с помощью которых можно определить глубину залегания доюрского фундамента. Но станций этих пока нет, а время не ждет. Поэтому заложил майор две структурные скважины в районе Песчанки. Приказал Крутойрцеву с Гибадуллинским срочно смонтировать две вышки, рассчитанные на

проектную глубину в шестьсот метров. А что это даст? Шестьсот метров — не шутка. В нынешних условиях — не менее трех месяцев работы. Пусть вскроют буровики доюрский фундамент, пусть породы окажутся трещиноватыми, пусть обнаружатся пресные воды. Сколько же скважин потребуется бурить (и на какой площади?), чтобы дать комбинату и поселку нужное количество воды?.. Не очень-то надеется Селивестров на буровые вышки, к которым упорно пробирается вездеходик.

Нет, эти скважины не помогут быстрому решению проблемы. Решение где-то в другом направлении. Перед мысленным взором Селивестрова проплывает геологическая карта района. Сплошная однотонная желтая полоса. Везде мощные толщи обводненных меловых песков, укрывшихся рубашкой поверхностных глин. Лишь на западе, далеко-далеко от Песчанки, пестроцветный веер Уральской горной страны. Далеко. Водопровод оттуда тянуть не станешь. А почему не станешь? Снова и снова в прижмуренных глазах плывет сетка координат, снова мысленный взор тянется к веселой уральской раскраске. Абсурдная идея. Селивестров даже дергает плечами. На реализацию такого плана потребны годы...

— К геофизикам завернем, товарищ майор? — негромко спрашивает шофер, надеясь, что командир не проснется.

— Заворачивай. — Селивестров открывает глаза. Проехать мимо он не может, не в его правилах.

Геофизиков немного — небольшой отряд. Ведя поиски методом электроразведки, они пытаются нащупать доброкачественную воду. Пресные воды обладают меньшей электропроводимостью, нежели воды минерализованные. Путем сопоставления показаний приборов можно определить разность минерализации подземных вод. Правда, приборы несовершенны, методы интерпретации — тоже,

но Селивестров решил не отказываться от лишнего шанса, хотя на успех надеется мало.

В палатке геофизиков он долго не задерживается. Выслушивает доклад командира группы, заглядывает через головы вычислителей на однообразные близнецы-графики и устало усмехается:

— Как под копирку...

— Да, — огорченно подтверждает старший геофизик. — Такой регион. Работать скучно.

Записав в блокнот первоочередные отрядные нужды, Селивестров прощается с бойцами и едет дальше.

На первой структурной скважине он задерживается еще меньше. Похвалив уставшего Крутойярцева за быстрое завершение строительства и монтажа вышки, собирается было следовать на следующую скважину, но заместитель останавливает его:

— Петр Христофорович, утром звонил Купревич. Просил вас прибыть на совещание.

— Куда? — недовольно морщится Селивестров. — К кому?

— К Батышеву. Пропуск заказан. — Крутойярцев глядит на майора сочувственно, ему известно, что тот недолюбливает директора комбината и избегает встреч с ним. — Просил прибыть обязательно.

— Так... — Селивестров сердито смотрит на часы — попасть сегодня к Гибадуллину не удастся.

Но еще сильнее раздосадован майор предстоящей встречей с Батышевым. Он его в самом деле не жалует. И не только из-за первой неласковой встречи на вокзале. Еще в Москве Селивестров навел справки о директоре и уже тогда насторожился.

«Зубр!» — говорили про Батышева одни, «фигура», — вторили другие, «хозяйственник всесоюзного масшта-

ба!» — восхищались третьи, «самодержец, феодал, но талантлив, каналья», — вздыхали четвертые.

Селивестров недаром многие годы проработал начальником партии. Сталкивался с руководителями многих ведомств, заводов. Понимал, что значат такие отзывы. Прояви один раз слабость — и подомнет тебя под свое авторитетное копыто этакий матерый «зубр», опустишься ты до положения подсобного «геологишки». Как-никак, а у такого вот Батышева многомиллионные объемы строительно-монтажных работ, тысячи людей в подчинении, — и что греха таить — часто ему не до мелких «подсобников». Знал майор, что первая же его встреча с директором комбината приведет к столкновению, ибо отступать от своих требований или планов он был не намерен, а приспособливаться вообще не умел (хотя уметь иногда полезно). Потому и избегал этой первой встречи.

Совещание действительно представительное и важное. В кабинете, помимо Батышева и Купревича, находятся Дубровин, Кардаш и худой сутулый полковник с бледным нервным лицом. Начальники азотнокислотного, аммиачного и пороховых производств докладывают о готовности своих комплексов. Особенно долго выступает директор завода спецпорохов, которого, кстати, и ругают больше прочих, так как полной готовности предприятие еще не достигло.

Селивестрова мало интересуют разные технологические тонкости. Он обдумывает свое предстоящее сообщение (ясное дело — скоро потребуют) и глядит на Купревича, не виделся с которым со дня приезда в Песчанку. Замечает, что молодой его товарищ сегодня бледен, чем-то удручен. Он тоже почти не слушает ораторов. «Доста-

ется, однако, ему, — сочувственно думает майор. — Видать, у них на комбинате тоже не все гладко...»

Селивестров ошибается, хотя забот у Купревича и в самом деле выше головы. На сернокислотном и азотнокислотном заводах — а это основа комбината — не хватает свинца и специальных сплавов для завершения кислотоупорных сооружений. Кварцевое сырье поступает не той чистоты, какая требуется, тончайшие катализаторы должны быть из ванадия или платиновых сплавов, а их не хватает... Сегодня Дубровин с Кардашем устроили разнос и Батышеву, и ему, Купревичу, за то, что кислотоупорные лавы второй очереди до сих пор не готовы к эксплуатации...

И все-таки удручен Купревич не этим. Брат сообщил, что пришла похоронная на Лену... Даже гибель отца, ушедшего прошлой осенью в народное ополчение, не потрясла его так, как сегодняшнее известие. Все же мужчина есть мужчина. А Лена... Жизнерадостная, непоседливая Ленка... Она так любила жить! Жила так шумно и весело... И вдруг ушла в небытие. Уже никогда не запустит она свои подвижные, озорные пальцы в густой чуб Купревича, никогда не назовет его лежебокой, интеллигентской простоквашей, не наградит каким-либо иным шуточно-ласковым прозвищем, на изобретение которых была великая мастерица. Теперь ее нет. Она навсегда ушла из-под ясного неба. Купревич не может поверить в это. Ему так больно и тошно, что хочется вскочить и взречь во весь голос. Но идет важное совещание — надо терпеть и даже вслушиваться, реагировать на что-то...

После обсуждения строительных вопросов выступает бледнолицый сутулый полковник. Оказывается, это представитель наркомата минометной промышленности. Он особенно заинтересован в скорейшем пуске завода спецпорохов. Эти пороха служат топливом для реактивных

снарядов. Нервно взмахивая худыми руками, полковник требует быстрейшего пуска всего комбината и завода спецпорохов в частности.

— Поймите, товарищи, тянуть дальше некуда! — горячился он. — Мы дожили до такой жизни, что с повестки дня временно снимается вопрос о формировании новых дивизионов гвардейских минометов. Дай бог обеспечить реактивными снарядами уже созданные части.

Селивестров хмурится. Ему ясно, что темпераментная речь минометчика в нынешней обстановке никому ничем помочь не может. И без его жарких слов всем присутствующим ясны тяжесть положения и задачи, стоящие перед каждым. «Подстегнуть приехал, поддать пару, — мрачно думает Селивестров. — Тут ведь несознательные бездельники собрались!»

Дубровин с Кардашем тоже хмуры и молчаливы. Оживляются они лишь тогда, когда Батышев просит Селивестрова сообщить о результатах своей деятельности.

Формулировка вопроса не нравится майору, но он не подает виду и немногословно докладывает о том, что формирование подразделения закончено, а затем рассказывает о своих выводах.

— Ого! — иронически усмехается полковник. — Мы ждем готовую продукцию, а тут, оказывается, только-только начинают думать, где искать воду! Здорово! Обрадую я в Москве...

Селивестров оставляет реплику без ответа.

— Речь, достойная гидрогеолога, — после недолгого молчания внушительно произносит Батышев. — Вода — не сообщение. Нас же интересует вещь конкретная — действительная пресная вода. Когда, где и в каком количестве она будет?

Селивестров напрягается.

— Меня это тоже интересует.

— Говорите конкретно.

— Рано.

— Это как понимать?

— Буквально. — Селивестров отчетливо видит, как в выпуклых зеленых глазах Батышева закипает гнев.

— Вы дипломатические штучки бросьте, майор. Нас интересует срок, количество, место.

— Рано говорить об этом, — внешне спокойно повторяет Селивестров. — Еще не время.

— А когда придет это время? — Батышев подымается со стула. — Это вы можете сказать?

— И этого не могу.

— Вот так солдатский разговор! — Батышев возмущенно разводит руками.

— Да, я солдат. Поэтому пальцем в небо тыкать и не желаю, и не умею.

— Зато сумели в Белоруссии на армейских складах оставить немцам тысячи вагонов боеприпасов! — взрывается Батышев.

— Глеб Матвеевич... — укоризненно качает головой Кардаш.

— Что Глеб Матвеевич?.. — дергает плечами Батышев. — Вы же сами требуете: дай для снарядов и бомб взрывчатку, дайте промышленности пироксилиновые, нитроглицериновые, вязкие и специальные пороха! А я вам что? Палец в небо?! — директор говорит вроде бы Кардашу, а сам смотрит на Селивестрова.

Майор невозмутимо выдерживает его гневный взгляд.

— Хватит! — Дубровин стучает пухлым кулаком по столу, тяжело поднимается. — Без истерик. Петр Христович прав, — негромко говорит он, кивнув Батышеву, чтобы садился.

Директор покорно опускается на стул.

— В самом деле, слишком рано требовать от гидрогеологов конкретный план дальнейшего ведения работ, — по-прежнему тихо и бесстрастно продолжает Дубровин. — В таком деле пара недель — не срок.

— Безусловно, — произносит очнувшийся от своей определенности Купревич.

Селивестров остается внешне бесстрастным, а сам недоумевает. Ему понятна озабоченность директора, которому позарез нужна вода, но почему Батышев вдруг невзлюбил его — майор понять не может.

Селивестров недалек от истины. Он в самом деле не понравился директору с первого взгляда. Еще на вокзале, увидев рядом с Купревичем высоченного, бравого майора, Батышев сразу почувствовал смутное раздражение. Подобных породистых молодчиков он навидался на своем веку. Такие обычно околачиваются при высших штабах в должностях начальника почетного караула, ответственного дежурного, ассистента при знамени... Вымуштрованные бездельники, которых держат для «представительности», для смотров. Привыкший верить своему цепкому, наметанному глазу, Батышев именно так и подумал тогда о приехавшем с Купревичем майоре. Конечно, болтался в былые довоенные годы при каком-нибудь штабе, а теперь, когда парадные времена кончились, сумел выпроситься на должность командира безопасного тылового подразделения. А у самого Батышева оба сына на фронте, и от одного уже пять месяцев ни слуху ни духу, зять — муж дочери — лежит в госпитале без обеих ног...

Правда, Купревич на днях обронил вскользь, что Селивестров когда-то действительно был известным гидрогеологом. Ну и что из того? «Когда-то» — ничего не значит. Такому здоровенному битюгу в теперешние времена место не в тылу, а на войне.

Селивестров покидает заводоуправление химкомбината, когда улицы притихшей Песчанки прочно укутаны волглой весенней темнотой. Рядом, старчески шаркая подошвами, идет Купревич. Майора подмывает расспросить о неприятностях, которые сделали особоуполномоченного столь молчаливым, но первому начинать разговор не хочется, и он тоже отмалчивается. Так, не проронив ни слова, подходят к стоянке машин. Пожимают друг другу руки. Только сейчас Купревич вдруг подает голос. Спрашивает неожиданно:

— Петр Христофорович, вам скоро сорок?

— Да. А что? — удивляется Селивестров.

— Почему вы до сих пор не женаты?

— Я? Гм... Право, не знаю... А что?

— Так... Почему-то подумалось...

— У вас что-нибудь случилось? — догадывается Селивестров.

— Да нет... Ничего. Я так... — бормочет Купревич и распахивает дверку «эмки». — До свидания, Петр Христофорович. Я к вам на днях заеду.

— Милости прошу! — откликается Селивестров, втискиваясь под брезентовый тент низкого «виллиса», — ему нехорошо, он ясно различил в глухом голосе поникшего Купревича нотки безысходного горя.

Шофер включает фары и с места дает полный газ.

Мало утешительного ожидает Селивестрова и дома. Только что приехавший из Зауралья Бурлацкий зол и голоден. Он передает майору пачку бланков с химанализами воды, отобранной из колодцев, и с жадностью набрасывается на остывший ужин.

— Та-ак... Анализы — один дряннее другого, — констатирует Селивестров, быстро просмотрев бланки. — Черт возьми, никакого просвета не видно. А надо что-то решать!

— Да, надо, — соглашается Бурлацкий.

— Ну, а у тебя как дела?

— Тоже просвета не видно! — Бурлацкий сердито втыкает ложку в загустевшую холодную кашу. — Произвели эксгумацию. Студеница действительно скончался от сердечного приступа. Был выпивши. Это установлено точно.

— Насчет второго что-нибудь прояснилось?

— Нет. Загадочная фигура. Еще раз заезжал в трест и к Марфе Ниловне. Результат тот же. Этаким непримечательный тип в черном полушубке.

— Что, и Марфа Ниловна ничего особенного не заметила?

— Нет. Говорит, что приходил как-то раз со Студеницей незнакомый человек в черном полушубке. Посидели и ушли.

— Что же они делали? Просто сидели?

— По ее выражению, выхлестали бутылку чего-то спиртного и отправились на вокзал, — усмехается Бурлацкий. — Это было в ноябре.

— На вокзал? — Селивестров вскакивает с койки. — Значит, не исключено, что этот, второй, уже числился в штате отряда! Не исключено, что они поехали вместе!

— Не исключено, — соглашается Бурлацкий, отправляя в рот большой ком каши.

Селивестров возбужденно рассказывает по комнате, привычно трет кулаком подбородок. Останавливается.

— Послушай... Зачем ему брать обязательно кого-то из инженерно-технических работников? А если Студеница просто-напросто пригласил кого-нибудь из рабочих, из буровиков, у которого грамотешки побольше, почерк лучше?..

Бурлацкий отставляет котелок в сторону, с интересом смотрит на майора.

— Пожалуй, это мысль! Надо поднять все приказы по формированию Песчанского отряда.

— И побеседовать с буровиками, — добавляет Селивестров. — Собрать что-то вроде собрания бывших сотрудников отряда и выяснить все подробности личной жизни и смерти Студеницы. Он же жил и работал у них на глазах. Они знают о нем в сто раз больше, нежели до-стопочтенная сестрица...

Несмотря на усталость, Селивестров долго не может заснуть. Он ворочается под одеялом, то и дело закуривает. У противоположной стены тихо посапывает Бурлацкий. Он уснул, едва голова коснулась подушки, и сразу превратился из старшего лейтенанта-чекиста в белобрысого мальчишку, избившего за день ноги на футбольном поле. Таким, по крайней мере, спящий Бурлацкий всегда кажется Селивестрову. Младших братьев у майора не было, детей — тоже, потому воображение у него скудное, все представления о мальчишках неизменно ассоциируются с футбольным мячом, а о девчонках — с куклами.

Селивестрову вспоминается вопрос Купревича. Странный вопрос. Попробуй объяснить, почему ты до сих пор не женат... Некогда было. Работал, ездил, кочевал с места на место. После одного месторождения, сданного промышленности, на очередь, как правило, выплывало еще несколько... Торопили в управлении, торопили из Москвы. Развивающееся народное хозяйство страны испытывало острейшую нужду во всех видах минерального сырья. А вот поторопить Селивестрова с женитьбой никто не догадался.

Впрочем, он сам не спешил...

Когда-то давно выпускник института Петька Селивестров познакомился с очаровательной девушкой. С Соней Шевелевой. Петька кончал институт, а Соня лишь посту-

пала на первый курс. Это, впрочем, не помешало их многолетней дружбе. Селивестров иногда бывал в столице по делам службы, неизменно проводил там свои отпуска. Соня радовалась каждому его приезду. Они бродили по московским улицам, болтали о всякой всячине, о геологии, о мировых рекордах советских летчиков и... никогда ни словом не обмолвились о личных своих отношениях. Лишь в последний год Сониной учебы решился Селивестров сказать о своем, о личном... Соня не удивилась, не рассердилась. Она восприняла нескладное его объяснение с ласковой улыбкой. А потом все было просто. Они договорились, что после окончания института Соня приедет к нему на Урал и они сыграют свадьбу. При последнем прощании, на вокзале, Соня сама поцеловала Селивестрова.

...Она не приехала. И ничего не объяснила ему. Попросила назначение на Кольский полуостров и отправилась туда на постоянное жительство вместе с матерью. Новость эта, как ни странно, не удивила Селивестрова. Огорчила, больно ударила, но не удивила. Он словно знал, что так должно было произойти. Не писал запросов, не стал выпрашивать Сонин адрес у ее тетки, жившей в Москве. Решил, что были они с Соней просто-напросто добрыми товарищами. И все на том. Не нужна была им свадьба. Неуместное его объяснение лишь сломало дружбу...

Впрочем, иногда приходили и другие мысли. Тогда Селивестров терзался раскаянием, мучился чувством вины перед Соней — ему казалось, что он был непростительно безынициативным, плыл по воле волн... Настоящая любовь такого не прощает.

А почему все-таки не женился — Селивестров сам не знает. Бывают такие вопросы, на которые человек ответить бессилён. Может быть, потому, что все последующие

годы ругал себя за нерешительность, за то, что не помчался за Соней в ее северную даль... С устройством больших и малых личных дел у Селивестрова всегда получались неувязки.

Решение было верным

После беседы с рабочими и мастерами бывшего Песчанского отряда Селивестров записал в своем блокноте:

1. Отношения между Студеницей и сотрудниками отряда были нормальными. Любимчиков или приятелей он в отряде не имел.

2. По единогласному утверждению выпивал чрезвычайно редко и понемногу — жаловался на боли в сердце. Однако больничный лист брал все-

го один раз — после приезда в Песчанку сестры Марфы Ниловны. Почему-то сильно расстроился после ее визита. Это было в конце февраля.

3. Действительно, в день смерти Студеницы был привезен спирт.

4. Действительно, в общежитии буровики устроили что-то вроде вечеринки. Студеница, хоть и был приглашен — не присутствовал. В то же время все утверждают, что начальник отряда никуда не уходил — сидел в своей комнатке-конторке.

5. Никто не видел, чтобы к нему кто-то заходил.

6. Коридорную дверь в двенадцатом часу ночи запер

старший коллектор Зубов. У Студеницы тогда еще горел свет.

7. Как уборщица попала в коридор — никто не знает. Кто выходил ночью во двор — тоже неизвестно.

8. Было замечено, что за несколько дней до смерти Студеница что-то узнал, был в приподнятом настроении. Шутил. Куда-то уезжал на сутки. «Будем вести поиски в другом направлении!» — так весело сказал он Зубову.

9. «Готовьтесь, братцы, к неблизкой перевозке», — так заявил он старшим мастерам при раздаче спирта.

Сейчас Селивестров сидит в штабе подразделения и заново перечитывает записи. Вроде бы ничего не упустил, внешне вроде бы все обстоит именно так — и в то же время остро чувствует, что в этих заметках чего-то не хватает. Чего-то важного. А чего именно — уловить не может.

Буровики, а теперь плюс ко всему и красноармейцы, обрадовались встрече с командиром подразделения. Беседа получилась откровенной, простецкой. Оказывается, некоторые знали Селивестрова еще по довоенным работам. Было это майору и неожиданно, и приятно. Потому, видать, и получилась беседа задушевной. Буровики искренне хотели помочь новому своему командиру разобраться в запутанных делах бывшего Песчанского отряда.

Помогли? Конечно. Теперь Селивестров видит Студеницу живым человеком со всеми его слабостями, достоинствами, служебными и житейскими заботами. И все-таки что-то осталось невыясненным.

Майор берет карандаш. Пишет на чистом листе бумаги: «Зачем приезжала Марфа Ниловна?» Перед глазами встает узкое морщинистое лицо с рыскающими глазами. Сварливая, жадная баба. Тем не менее сына любит ревнивой материнской любовью. Бывает и так. Но зачем все-таки приезжала? Сварливая и жадная... А может, еще какая-нибудь? В самом деле — какая? Селивестров умом

понимает, что сам факт ее приезда может быть важным, но томит его что-то другое.

Почему Студеница не пошел на вечеринку к буровикам? По многим причинам мог не пойти. Загрустил, вспомнив жену. Хотя бы из-за нежелания пить вместе с подчиненными...

Что-то узнал, был весел, куда-то уезжал на сутки, говорил загадочно... Майор жирно записывает: «Что узнал? Куда ездил? В какую сторону мыслил направить поиски?» Вот самое важное. Черт бы побрал этого неразговорчивого, скрытного, некомпанейского Студеницу! Нет чтобы поделиться с кем-нибудь, взять с собой в поездку... Ломай теперь голову!

И все же мысль побеседовать с буровиками была верной. По крайней мере ясно — надо искать новое решение. Оно есть. Ведь нашел же его перед своей смертью Студеница!

Вспомнив о кальке, тетрадке и блокнотах, обнаруженных в столе Студеницы, майор открывает сейф, достает их. В блокнотах ничего интересного. Сугубо производственные записи: сколько и какого диаметра получено труб, сколько каких коронок, где получен лес для копров... И все прочее в таком же духе. В тетрадке кривоватым почерком сделано описание разреза какой-то скважины № 6. Разрез, типичный для Песчанки: сверху глины и далее разнозернистые пески. Зубов наверняка должен знать эту скважину. Так что и в тетрадке ничего интересного.

Калька. Зеленой тушью сделана небрежная выкопировка с какого-то плана. Присмотревшись, майор узнает схему дорог и населенных пунктов Песчанского района. И здесь ничего особенного. Селивестров достает из сейфа кипу карт, поочередно накладывает на них кальку. Находит. Выкопировка снята с карты-пятикилометровки. Выходит, была такая и у Студеницы, но чтобы не возить ее

с собой, начальник отряда скопировал нужный участок. Но зачем ему понадобилась именно юго-западная часть Песчанского района?

Селивестров осторожно разглаживает большими ладонями измусоленный кусок когда-то гладкой и прозрачной, а теперь сморщившейся, шершавой бумаги. Ведет пальцем от названия к названию, написаны которые так коряво, что если бы не настоящая карта перед глазами, да если б, вдобавок, не облазил майор район самолично — то и не догадаешься, как именуется та или иная деревня. Действительно, почерк у покойника был уникальный!

Но вот за чертой, ограничивающей план сбоку, отдельная надпись. Можно разобрать: «Синий перевал». Жирно подчеркнуто да еще вопросительный и восклицательный знаки. Что бы это могло значить? Наименование населенного пункта, оставшегося за отрезом карты? Деревни, села, хутора, урочища? Студеница, конечно, записал это название не случайно. А может, в самом деле перевал? Но какой к черту перевал может быть на слегка холмистой лесостепной местности!

Селивестров раскладывает на столе карту Песчанского района, а затем прикладывает к ней смежные южный и восточный планшеты. Названий много. Синего перевала — нет. Прикладывает юго-западный и юго-восточный планшеты. Заставляет себя не спешить.

Проходит час, затем другой. Селивестров не замечает этого. Миллиметр за миллиметром прошупывает его взгляд бело-зеленую поверхность карт. Синего перевала — нет.

«Ничего, ничего, — говорит себе майор. — Найдется. Главное — не пороть горячку!» Он делает несколько гимнастических упражнений, наливает из термоса кружку крепкого чая. Затем опять склоняется над столом.

В это время в кабинет врывается Бурлацкий. Достаточно одного взгляда, чтобы понять — старший лейтенант имеет какое-то чрезвычайно важное сообщение. Еще не было случая, чтобы молодой человек забыл постучать, чтобы вошел в помещение, не вытерев у порога сапоги.

— Товарищ майор... Петр Христофорович...

— Раздевайся, — кратко говорит Селивестров и запирает дверь на ключ.

Бурлацкий быстро снимает шинель, бросает на подоконник шапку, отирает вспотевший лоб платком, тихо произносит:

— Товарищ майор, Студеница был умерщвлен!

— ?

— Да. Уборщица вспомнила, что на стуле рядом с лекарством вместо воды стоял стакан со спиртом.

— И что из того?

— А вот что... Тот, кто решил убрать начальника отряда и изъять геологическую документацию, отлично знал, что у Студеницы большое сердце.

— Ну и что?

— Очень просто... — Бурлацкий протягивает руку к выключателю, гасит свет. Во внезапно наступившей темноте его голос звучит зловеще: — Представьте себе ночь. Студеница с вечера немного выпил. Зная, что будет ему нехорошо, ложась спать, поставил на табурет стакан воды, положил лекарство... Понимаете?

— Кажется.

— Враг подождал, пока он уснет, вошел в комнату, выплеснул воду и налил вместо нее спирту. Почувствовав себя плохо, Студеница просыпается, с обычного места берет лекарство. Берет стакан и безбоязненно делает глоток, другой... Неразведенный спирт обжигает горло, желудок, у больного перехватывает дыхание... Роковой удар по изношенному сердцу!

Бурлацкий включает свет. Глаза его злы, на округлом розовом лице выражение суровости.

— Так... — ошеломленно произносит Селивестров. — Убийство?

— Именно. Я взвесил все варианты. Иного объяснения нет. Кто-то заходил к Студенице и подменил воду на спирт. Потом не стоило труда найти ключи, открыть ящик и извлечь документы. Просто?

— Просто. Даже слишком. — Селивестров начинает приходить в себя.

— В том-то и дело! — Бурлацкий моложе майора, ему трудней справиться с волнением. — Дарья Назаровна очень точно вспомнила, что графин с водой, который обычно стоял на столе, в то утро не было. Уже на другой день, прибираясь в комнате, она обнаружила графин на подоконнике за занавеской.

— Так... Это что же, его убрали, чтобы Студеница не мог найти воды, если бы у него хватило сил искать ее?

— Безусловно. Если бы он встал, врагу пришлось бы применить физическую силу. Но... — Бурлацкий огорченно тряхнул головой, — сердце у Студеницы действительно было слабым.

— Так... — Селивестров смотрит на молодого чекиста с уважением — доводы его убедительны. — И к какому выводу ты пришел?

— Выводу? — Бурлацкий только сейчас позволяет себе опуститься на табурет. — Надо искать.

— Где?

— В первую очередь у нас. Не берусь судить, сколько их в самом деле. Но один из врагов был в помещении. Это он открыл, а затем забыл закрыть дверь коридора.

— Пожалуй, — соглашается Селивестров. — Выходит, дело серьезнее, чем можно было предположить.

Оба долго молчат. Селивестров закуривает, тяжело шагает по кабинету, под его ногами скрипят половицы.

— Ну, а каковы ваши успехи? — сумрачно спрашивает Бурлацкий.

— У меня тоже новости. — Селивестров останавливается. — Кажется, я нащупал нечто не менее важное. — И тыкает пальцем в кальку.

Пока майор рассказывает о собрании, о таинственном Синем перевале, Бурлацкий разглядывает сделанные им записи и вяло зеваает, прикрываясь ладошкой. Потом, когда Селивестров кончает говорить, резюмирует вполголоса, как бы сам себе:

— Действительно, день открытий... В самом деле, кой леший приносил Марфу Ниловну в Песчанку? Надо выяснить... Студеница — не из ресторанных выпивох, многолюдие не любил. И тут все ясно. А вот куда собирался перебрасывать буровые, что это за Синий перевал — тут ничего не понимаю. Это уж по вашей части, товарищ майор. Полагаете, что это место представляет интерес с геологической точки зрения?

— Полагаю. Насколько можно понимать Студеницу — именно это интересовало его в первую очередь. Места, перспективные на воду!

— Резонно, — соглашается Бурлацкий и осекается — взгляд его перепрыгивает с раскрытой тетрадки на кальку, с кальки на тетрадку. — Погодите... Выкопировку делал Студеница. Тут сомнения быть не может — его рука. А кто же писал в тетради?

— Он же, очевидно. — Селивестров подходит к столу.

— Но почерки-то разные!

Майор и сам уже видит это, крикает с досадой: не заметить такой очевидной вещи — непростительная оплошность с его стороны.

— Петр Христофорович! — Бурлацкий вскакивает с табурета. — Ведь это, наверно, он. Это второй!

— Гм... Может быть... — тянет майор. — Если так, то он здесь, у нас! Подымите сохранившиеся документы — ищите его по почерку. А за мной этот таинственный Синий перевал!

Когда бояться смерти

У входа, над тумбочкой дневального, мерцает маломощная электрическая лампочка. В ее тусклом свете видны лишь сам задремавший дневальный да та секция двухэтажных нар, что напротив двери. Все остальное помещение казармы прочно укутано ночной темнотой. Эта парная, душная темнота кажется Антону шевелящейся — в ней сонно бормочут, посапывают, всхрапывают — спящие бойцы и во сне продолжают жить впечатлениями минувшего трудного дня. День и в самом деле был не из легких: досыта наработались на буровых, досыта намерзлись, пока тряслись в грузовиках от базы до участка, а потом обратно, досыта нашагались после ужина на строевых занятиях — какая-никакая, а воинская часть. Поэтому мертвецки спят утомившиеся люди, дремлет бедолага дневальный, которому по всем строгим воинским законам полагается бодрствовать.

А вот Антону не спится. Он глядит в теплую живую темноту и сглатывает обильную тошнотную слюну. Тош-

нота эта от страха. От страха, который кажется Антону вечным, будто он, Антон, с ним родился. Этот страх — как боль, как медленно назревающий нарыв.

Сколько помнит себя Антон, он всегда чего-нибудь боялся. Боялся психоватого, скорого на руку отца, боялся старшего брата, боялся соседских собак и леших из бабкиных сказок. Это в детстве. Потом страхи повзрослели, и Антон боялся, что прижимистого проныру отца раскулачат и вышлют из родной деревни (а значит, всю семью, значит, и его, Антона). Уехав в город, устроившись на хорошо оплачиваемую работу, боялся, что родные узнают об этом и будут просить подачки или, упаси боже, пришлют к нему младших сестру и брата добывать городское образование. Опасался прогадать с женьитьбой, опасался драчливых соседей и сослуживцев...

Он считал себя невезучим — предчувствия, как правило, сбывались. Отец все же узнал о хороших Антоновых заработках и подал в суд на алименты, сестра Мария и брат Леонтий в самом деле приехали учиться в город, подвыпившие буровики не раз колошматили Антона за что-то такое, что было неясно ни им, ни ему самому. Деревенские парни, однокашники Антона, вместе с которыми он пошел работать в геологоразведку, давно стали механиками, прорабами или, на худой конец, старшими мастерами. Антон же по сию пору тянул лямку у рычага бурового станка — был сменным мастером не самого высшего разряда.

Да что однокашники! Родные братья и сестра — те давно обошли Антона. Они не боялись отца, сменившего родную деревню на калымную городскую окраину (где до сих пор подрабатывает извозом на собственной лошаденке), держались дружно. Наоборот, отец боялся и уважал их, и если с Антона драл алименты, то остальным детям старался угодить. Как-то незаметно, вроде бы играючи,

стали они уважаемыми людьми: старший брат Василий подполковником танкистом, Леонтий летчиком-истребителем, сестра Мария врачом-стоматологом...

И все-таки жить в общем-то было можно. Не терзал его тогда тот тошнотворный страх, который не дает спать сейчас.

А началось все в июньское воскресенье... Хотя нет, позже. Через месяц после начала войны. К Антону на квартиру — чего давно не бывало — пришла сестра. Она была в военном. Сказала, что уезжает на фронт. Наказала сурово:

— Навести Леонтия. Он уже четвертый день, как привезен в Зауральск. — И назвала номер госпиталя.

То, что случилось с младшим братом, потрясло Антона. Вместо некогда озорного, сильного парня лежало на госпитальной койке умотанное бинтами чучело, сверкало в узкой белой щели полными боли и ненависти уцелевшими глазами, хрипело обезображенным ртом из-под марли:

— Ничего, с лица воду не пить. На руках и ногах кожа нарастет. Главное — они есть. Еще узнают, гады, Леонтия! Я еще летаю!

Пока он рассказывал, как в первый же час войны разбомбили немцы их аэродром, как на третий день горел в кабине своего израненного «ишака» — И-16, как выносили его окруженцы к своим и чего навидались они за полторы недели похода, Антона охватывал все больший ужас. Не за брата, а за себя. Он даже вспотел при мысли, что все это может произойти с ним самим...

Сидя рядом с койкой захлебывавшегося от нерастроченной злости Леонтия, Антон озирался по сторонам, ожидая, что кто-то из раненых вдруг прервет брата, скажет, что хватит врать, но в палате молчали. И Антон понял: все рассказанное — правда. А война неотвратимо надвигалась и на него — в кармане уже лежала повестка.

Противно посасывало под ложечкой, когда первый раз явился Антон в военкомат. Ему дали отсрочку на три месяца — партия, в которой он работал, завершала буровые работы на месторождении угля, открытом на самой окраине Зауралья. Дни эти пролетали непостижимо быстро. Одна за другой ликвидировались бригады. Буровые работы завершались. А в госпитале, где лежал Леонтий, раненых прибавлялось...

В конце концов пришел и Антонов черед. Снова военкомат, а оттуда на военно-медицинскую комиссию. Следующая в очереди голых мужчин из одного врачебного кабинета в другой, вдруг с тоскливой ясностью осознал Антон, что, несмотря на всю свою невезучесть и одиночество, он всегда любил жить и более всего боялся быть вычеркнутым из этой и беспокойной, и сладкой жизни.

Антон стал жаловаться на головные боли, слабость и бог весть на что еще...

Но недаром считал он себя неудачкой — оставались позади кабинет за кабинетом, врач за врачом, и нигде не приняли Антоновы жалобы всерьез. «Годен...» — тоскливо читал он очередное заключение и машинально следовал к другой двери.

И все же произошло чудо. Врач-терапевт, высокий дородный мужчина с бритой шишковатой головой, очень внимательно выслушал Антоновы жалобы, не усмехнулся саркастически, как прочие, не бросил медсестре небрежное: «Дремучая ахинея», а вместо этого повторно взялся считать пульс, измерять давление...

— Что ж, придется недельку полечиться, — заключил терапевт и выписал рецепт. — На повторный осмотр через неделю.

Антон понял, что счастье наконец-то улыбнулось и ему. Хоть и короткое, хоть и недельное, а все-таки счастье!

Через неделю тот же терапевт обследовал Антона с

прежней внимательностью. И опять дал отсрочку на неделю, и опять выписал лекарство. Медсестры на этот раз в кабинете не было, и врач разговорился, отрекомендовался Вадимом Валерьяновичем, стал расспрашивать Антона о работе, о семье, о жите-бытье.

Разумеется, Антон охотно поддержал беседу.

В третий раз все повторилось в точности. Только беседовали они уже как давние знакомые. И врач опять дал лекарство, опять велел явиться через неделю.

Из поликлиники они вышли вместе. День давно погас. По вьюжной вечерней улице разгуливал студёный ветер, в тусклом свете редких фонарей волочил по мостовой длинные хвосты сухого, колючего снега. Вадим Валерьянович поднял брововый воротник своей старомодной шубы и вдруг негромко произнес:

— А в следующий раз являться не советую. Я уезжаю в командировку и принимать будет другой врач. Не сомневаюсь — забреют вас обязательно.

Он так и сказал: «Забреют». Сказал тихо и грустно, но словно граната взорвалась перед глазами качнувшегося Антона.

— Не удивляйтесь... — меж тем так же грустно продолжал Вадим Валерьянович, не замечая потрясения собеседника. — У меня есть причина относиться к вам сочувственно. Видите ли... Мы были знакомы и даже дружны с вашей сестрой Марией. Несмотря на некоторую разницу в возрасте, у меня были самые серьёзные намерения по отношению к ней, но... — врач печально вздохнул, — в таких делах обязательна взаимность, которой не оказалось. Тем не менее мы не стали врагами...

Антон совершенно не интересовало, как дурнушка Мария могла отвергнуть руку и сердце столь представительного мужчины. В голове громыхало одно: «Забреют, забреют, забреют...»

А дома ожидал новый удар. Сгорбившись, сидел на крыльечке редчайший гость — отец.

— Антоша... сынок... — заплакал он, когда вошли в комнату. — Вася-то, Вася... — И протянул какую-то бумажку.

Антон машинально взял ее, пробежал отсутствующим взглядом: «...погиб смертью храбрых...» Глухо сказал вслух:

— Меня через неделю забреют.

— Чего? — не понял старик.

— Забреют меня.

— Так ить всех нынче берут, Антоша. Времечко-то какое! Вася-то уже... Того... Братанок-то твой... Кровиночка-то моя!

— Меня забреют через неделю! — взорвался Антон. — Туда же! На гуляш! Понимаешь ты это или нет?

Старик испуганно отшатнулся.

— А я, может, не желаю! Я жить хочу!

Отец подобрал с полу похоронную, сложил вчетверо трясущимися руками, сунул за пазуху.

— Да ты што, Антоша?.. Чать живой пока...

— Живой? — продолжал бушевать Антон. — Пока! Тебе-то начхать! Тебе что алименты с меня драть, что пенсию за покойника получать!

Глаза старика стали сухими. Он ненавидяще поджал бесцветные губы, нахлобучил засаленную шапку-ушанку на лысую голову. Махнул рукой, пошел к двери. У порога остановился. Обернулся, словно пистолет наставил на сына корявый коричневый палец:

— Чего вспомнил... Брата убило, а он... Я к нему, как к родному... — И выстрелил скороговоркой: — Знаю, не ангел я. На войну провожал, каялся и перед Васей, и перед Маней, и перед Леонтием. Грешная, грязная душа... Признаю! Так то все же душа! Я своих знаю! А у

тебя ничего. Ни своих, ни чужих. — И отплюнулся. — Одно слово — шкура! Отходник. Отрезанный ломоть. Тьфу! Будь ты проклят!

— Пшел вон! — взвизгнул Антон.

Старик исчез за дверью.

«Забреют, забреют, забреют!.. Не пойду. Сбегу!»

Не сбежал. Побоялся. Но и на медкомиссию не явился. На работу тоже не пошел. Знал — туда немедленно последует запрос из военкомата. Метался в запертом на все щеколды собственном домишке, проклиная себя за нерешительность. Понимал: надо действовать — и не мог преодолеть робость. Перед глазами то и дело всплывало лицо старшего брата. Уж если его, сильного, решительного Василия, грозу деревенских пацанов, так быстро настигла костлявая, то ему, неудачнику Антону, сорвет голову в первую же минуту окопной жизни. А с дезертирами подавно не чикаются...

За ним пришли на третий день. Услышав властный стук, обмяк Антон, еле устоял на ногах. Но, как ни перепугался, все же догадался повязать голову полотенцем. В сени вошли трое: участковый милиционер и двое военных. Один из военных, очевидно старший, предъявил какой-то документ, в котором — все прыгало перед глазами — Антон ничего не сумел прочитать, спросил отрывисто:

— Срок отсрочки известен?

— Да... — выдохнул Антон.

— Дата комиссии известна? Почему не явились?

— Я... я... — язык не слушался Антона.

Военный посмотрел на полотенце, на мертвенно-бледное лицо, синяки под глазами — подобрел:

— Гм... Надо было сообщить. До машины дойти сами сможете?

— Да...

Его привезли на воинский пересыльный пункт. Старший из военных вошел в какой-то кабинет, и пока он находился там, Антона бил неумемный озноб. Дверь открылась, второй сопровождающий ввел Антона в комнату. Из-за стола вышел невысокий, хрупкого сложения человек в гимнастерке с четырьмя «шпалами» на петлицах. Он слегка прихрамывал, левая сторона красивого тонконосого лица была изуродована огромным свежим шрамом. Для Антона все происходило словно в тумане. Потерял он способность что-либо видеть, кроме прозрачно-голубых, наполненных холодом глаз человека со шрамом.

Тот обошел Антона вокруг, оглядел, вернулся к столу, написал что-то на бланке, протянул старшему из сопровождавших. Все это молча, неторопливо.

— В лазарет, товарищ полковник? — спросил старший, приняв бумажку.

— На гауптвахту. В камеру строгого ареста! — отрубил полковник и наградил Антона таким взглядом, что тот понял — все равно не обмануть этого опаленного войной человека.

Когда Антона водворяли в камеру, не увидел он на лицах привезших его красноармейцев прежнего сочувствия. В глазах их стояла брезгливая ненависть. Осознал Антон — раньше всех загаданных сроков пришел ему конец. Если его судьбу будут решать маленький полковник и эти парни в солдатских шинелях — пощады не будет.

И все же удача снова улыбнулась Антону. Он ушам своим не поверил, когда услышал в коридоре знакомый голос:

— Тут у вас где-то мой пациент находится. Разрешите взглянуть на него — способен ли предстать перед окружной военно-медицинской комиссией?

Распахнулась дверь, и в камеру вошел Антонов ангел-хранитель. Он был, как всегда, чисто выбрит.

— Ну-с, как наши дела? Почему в назначенный срок не явились? — незлобиво произнес Вадим Валерьянович, привычным движением стал считать пульс, поглядывая на свои массивные золотые часы.

Стоявший до этого в дверях начальник караула куда-то отошел.

— Возьмите. — Вадим Валерьянович сунул Антону в карман пакетик с таблетками. — После моего ухода примите все сразу. Затем сделайте легкую физзарядку и ждите вызова. Жалуйтесь на общую слабость, потливость, покалывания в области сердца. И ничего больше. Никакой отсебятины. Понятно?

Сначала Антона сводили в рентгеновский кабинет, а потом он предстал перед врачебной комиссией. Маленький полковник был тут же. Правда, он не произнес ни слова, не вмешивался в разговоры и действия медиков, но взгляд его с откровенной недоверчивостью следил за каждым движением, за каждым жестом Антона. Но то ли в самом деле сердце перепуганного Антона билось ненормально, то ли помогли докторовы пилюли — только врачи действительно что-то обнаружили.

Приказали Антону выйти в коридор, а сами стали совещаться. Прислушиваясь к голосам, тот потел, взаправду испытывал слабость, по-настоящему ощущал «боль в области сердца».

Подписывая пропуск, полковник был темен лицом. Он не изменил отношения к Антону, хотя у того в кармане лежала всамделишная справка — шестимесячная отсрочка от призыва по состоянию здоровья.

А поздно вечером к Антону нагрянул неожиданный гость — Вадим Валерьянович. Он пришел не с пустыми руками: принес бутылку довоенного коньяку и банку заграничных консервов. Антон быстро опьянел, стал плаксиво благодарить:

— Век вас не забуду. Честное мое слово!

Вадим Валерьянович лишь грустно покачивал шишковатой головой:

— Ах, бросьте. Какие могут быть благодарности. Просто жаль хорошего человека. Да и не без корысти... Может, когда-нибудь замолвите за меня словечко перед Машей.

— Да я... Да сестра каждого моего слова слушалась! — заклокотал пьяным бахвальством Антон, восхищаясь в душе некрасивой Маруськой, каким-то непостижимым образом сумевшей покорить такого человека. «Вот это будет зятюха! Породистый, лшак!»

Прощаясь, Вадим Валерьянович спросил, что он делает теперь делать.

— Была бы шея — хомут найдется! — отмахнулся Антон и, загибая пальцы, стал перечислять партии, в которые командируются буровики из Зауралья.

— А в Песчанку?

— Туда пока никого. Правда, Студеница подбирает кадры, но никто не желает ехать. Хуже нет, чем бурить на воду. Диаметры скважин большие.

— Кто этот Студеница?

Антон рассказал все, что знал об инженер-гидрогеологе.

— А я б на вашем месте пошел работать именно к нему, — внушительно сказал Вадим Валерьянович, выслушав Антона. — Это в ваших интересах. Я ничего не понимаю в геологии, но мне известно, что все рабочие, занятые в Песчанке, будут забронированы.

— Да ну? — ахнул Антон.

— Постарайтесь подружиться с этим Студеницей. Войдите в доверие, кроме пользы, для вас в том ничего не будет. Вас забронировуют. И тогда...

«Ну и голова! — с благодарной почтительностью подумал Антон. — С этим дружбу терять не надо».

Уже надев шубу, Вадим Валерьянович продиктовал Антону свой домашний адрес и номер телефона.

— Заходите как-нибудь, — тепло пригласил он. — Я ведь совершенно одинок. Будете писать — привет от меня Маше.

Антон впервые пожалел, что никогда не был дружен с сестрой, что не имеет ее фронтowego адреса.

План Вадима Валерьяновича осуществить было нетрудно. Студенице как раз требовалось в помощь несколько опытных буровиков. Поэтому согласие Антона поехать в Песчанку несказанно обрадовало занятого проектом хмуроватого гидрогеолога.

Антон решил воспользоваться этим, чтобы закрепить дружеские отношения. Раздобыл на базаре бутылку водки, предложил Ефиму Ниловичу угоститься. Тот отказываться не стал. Зашли к начальнику домой. Но, вопреки Антоновым ожиданиям, выпил Студеница две малюсенькие рюмочки, а остальные подношения отверг:

— Не хочу больше. Сердце барахлит — опять ночью давить будет.

— Ну, хоть одну еще, Ефим Нилич...

— Не понимаю, чего ты ко мне липнешь...

— Да я так... Вы одиноки, я — тоже один-одинешенек, — начал бить отбой Антон. — Не хотите — не надо. Просто хотел уважить.

— Уважить-подважить... — проворчал Студеница и вдруг оживился: — Послушай, как у тебя с почерком? Сходный?

— Не знаю... — Антон пожал плечами. — Люди разбирают. А что?

— Вот желаешь уважить — пойдем завтра в одно место. Перепишешь несколько геологических разрезов, что-

бы можно было сразу машинисткам отдать. А то у меня почерк...

В дальнейшем беседа не клеилась. Студеница уставился на портрет миловидной женщины — будто забыл об Антоне.

Пока Студеница составлял проект, Антон с рабочими из своей смены перевозил оборудование в Песчанку. В ту пору жить было не очень туго. Погрузился, разгрузился — а все прочее время либо в дороге, либо дома. Да и с продуктами в Зауральске было не так уж плохо. Но как только перебрались в Песчанку — хватили лиха. Особенно в первые две недели, пока не организовали питание в столовой. Целыми днями на ветру, на морозе. Добрался до общежития, отогрелся кое-как — тут бы и поесть. А поесть нечего. Питались черным клейким хлебом, растительным маслом да ржавой селедкой. Плохо было в то время в затопленной беженцами Песчанке. Продовольствие не успевали подвозить.

В те дни одубел, отупел от усталости и голода Антон. Даже перспектива оказаться на фронте казалась не столь страшной. Тогда-то и вспомнил он о приглашении Вадима Валерьяновича.

Вскоре Студеница отправил Антона в город с пробами воды.

Сначала Вадим Валерьянович вел себя несколько странно. Не откликнулся ни на стук, ни на звонок, стоял за дверью. Антон почувствовал это, подал голос. Дверь чуть приоткрылась, доктор взглянул на Антона, помедлил и, наконец, скинул цепочку.

— О, друг мой! Сколько лет сколько зим!

Проходя в комнату, Антон успел заметить, как из кухни выглянул розовощекий веснушчатый мужчина. Простовато хохотнул:

— Вон что... Тут уже есть посетители. Оказывается, не я первый! Может, помешал?

— Ох и глазастый вы народ, буровики! — смешливо погрозил пальцем Вадим Валерьянович. — Что ж теперь делать? Одному раздеваться, другому одеваться? Так, что ли?

— Так, — сказал веснушчатый и вышел в коридор.

Он оказался коренастым, слегка косолапым бодрячком средних лет, одетым в черную гимнастерку, такие же бриджи и хромовые сапоги. Дружелюбно подмигнув Антону, надел офицерскую шинель без знаков различия, пушистую шапку. Простецки помахал на прощание кожаными перчатками и, бодро насвистывая, удалился.

— Веселый дядька! — улыбнулся вслед ему Антон.

— Да, стопроцентный сангвиник. — Вадим Валерьянович тоже чуть улыбнулся. — Действительно, посетитель. Бывают обстоятельства, когда человек вынужден обращаться к врачу в частном порядке...

— А-а... Понимаю.

Угостил Вадим Валерьянович по-царски. Оголодавший Антон с жадностью поглощал макароны с тушенкой, стопка за стопкой пил разведенный спирт-сырец и, чувствуя, как внутри все обмякает и согревается, охотно рассказывал о своем житье-бытье.

Вадим Валерьянович качал головой, ругал войну и нерасторопных снабженцев.

— Значит, в трест ходили вместе со Студеницей... Это хорошо, — похвалил он. — Выходит, начальник вам доверяет. И где этот трест находится? По Московской? Это в каком доме?

Антон объяснил подробно.

— Вот здорово! — удивился Вадим Валерьянович. — Послушайте, папки находятся в красном шкафу, что у стены? Ах, в коричневом, посреди комнаты... Скажите, когда

открывали тот шкаф, там на внутренней стенке не видели коричневого пятна? С какой полки брали папку?

— Со второй сверху. Папка номер тысяча сто тридцать шесть. Как сейчас помню. А пятна не видел. С чего вы взяли, что там пятно? — в свою очередь удивился Антон.

— Эх, милый человек... — вздохнул Вадим Валерьянович. — В том здании когда-то располагался врачебный консультационный пункт. А я, грешным делом, однажды разбил в шкафу бутылку с йодом. В начале войны пункт перевели, а мебель осталась... — И опять вздохнул: — А шкафы те мы, медики, в здание на своем горбу затаскивали. Помню, тяжеленные были...

Расстались в полночь. Подобревший Вадим Валерьянович сунул в тощий Антонов рюкзак несколько банок консервов, солидный шмат сала, пачку довоенного рафинада.

— Эх, бобылья жизнь! Если мы друг другу помогать не будем — кто нам поможет? Питайся, дружище. Я тебе голодать не позволю. Если нужны деньги — не стесняйся. Отдашь когда-нибудь. Вот... сколько тут... Пять тысяч. По нынешним временам — не деньги... Но хватит пока?

— Дорогой Вадим Валерьянович... Благодетель ты мой! — окончательно раскис хмельной Антон. — Дай я тебя расцелую! Что бы я без тебя делал? Деньги возьму. Но только под расписку. Я человек порядочный. У меня дом свой! Погоди, я тебя еще отблагодарю... Нет, нет, давай бумагу. Где чернила? Пять тыщ... С базара буду подкармливаться!

Вадим Валерьянович похотел добродушно, но бумагу и авторучку все-таки дал...

Приехав в Зауральск по делам, Антон опять навестил Вадима Валерьяновича. Как и в предыдущий раз, доктор встретил его радушно. Опять было вдоволь еды и

разведенного спирта. Как обычно, хозяин больше спрашивал, гость больше рассказывал. Антон был зол на Студеницу, который почему-то не торопился с бронированием. Шестимесячная отсрочка с каждым прожитым днем сокращалась, и в Антоновом воображении все чаще всплывали картины повторной медкомиссии и беспощадные глаза маленького полковника.

Но как ни был занят своими страхами Антон, все же сумел заметить, что доктор в этот раз мрачноват, чаще обычного задумывается, поглядывает на него, Антона, не то чтобы сердито, но вроде бы оценивающе.

— Что с вами нынче?

— А вас разве ничего не тревожит?

— Не знаю... — Антон невольно сгорбился — столько в голосе доктора было чего-то скрыто-опасного.

— Святая простота! — Вадим Валерьянович схватился за голову. — Ведь немцы завтра-послезавтра войдут в Москву! Правительство сбежало. Сталин неизвестно где!

— Ну и что? — Антона больше беспокоили собственные дела.

— А то, что немцы скоро будут здесь.

— Вон как... Ну и что же теперь будет?

— Вы относитесь к инженерно-техническому персоналу?

— Нет, к рабочим.

— Хм... Но зарабатываете больше пятисот рублей?

— Больше.

— Тогда все, — серые блестящие глаза Вадима Валерьяновича округлились, — тогда вас немедленно поместят в концентрационный лагерь.

— За что?

— Всех, кто получает больше пятисот, эсэсовцы относят к квалифицированным работникам, к просоветским элементам. В общем, нам с вами несдобровать!

— Так что же теперь?

— А то! — Вадим Валерьянович положил руку Антону на плечо. — Надо встретить немцев лойяльно.

— Как?

— Надо оказать им какую-то услугу, и они оставят нас в покое. К примеру, заранее подготовить сведения о Песчанском химкомбинате. Пусть не все, но что можно узнать — это уже сто процентов успеха. Понимаешь?

— Да ты что! — Антон панически рванулся в сторону, но пальцы доктора железной хваткой вцепились ему в плечо.

— Это единственный шанс уцелеть.

— Ну, дудки! — прохрипел мигом протрезвевший Антон. — Пусть кто-нибудь другой. А я... Всех не пересадят. Таких, как я, пруд пруди!

— Нет, это сделаешь именно ты! — отрывисто произнес доктор, выпрямляясь. — У тебя уже есть кое-какие заслуги перед немцами, так что осталось сделать совсем немного!

— Какие заслуги? — похолодел Антон.

Доктор вышел в прихожую, проверил запоры, вернулся в гостиную, запер за собой дверь на ключ, задержав тяжелые гардины на окнах — все это с жестким выражением на преобразившемся лице, держа одну руку в кармане пиджака. И Антон все понял. Стылая лапа ужаса с такой силой сжала сердце, что он икнул.

— Твоя расписка? — Вадим Валерьянович показал злосчастную бумажку.

— Моя... Но я... Я...

— Теперь подпиши это.

Перед Антоном появилось отпечатанное на машинке заявление, что он добровольно вступает в общество «Свободная Россия» и обязуется «бороться с коммунистическим варварством до победного конца...»

— Это... Я не хочу... Я не могу... Я... — Антон, словно загипнотизированный, глядел на опущенную в карман руку доктора и уже знал, что сделает все, чтобы эта рука оставалась на месте.

— Подпиши. Так... Поставь дату.

Лицо доктора сохраняло прежнее угрожающее выражение. Он положил на стол чистый лист бумаги.

— А теперь пиши. Вот здесь... Рапорт номер один. Так! Докладываю обществу «Свободная Россия», что я... Не забудь кавычки. Такой-то. По состоянию на первое декабря 1941 года выполнил следующие задания общества... С красной строки... Первое. Симулируя заболевание, сумел уклониться от призыва в армию. Второе. Раздобыл и сообщил секретные данные о Зауральском буроугольном месторождении. Третье. Проник в гидрогеологический отряд...

Каждое слово, произносимое доктором, сгибало Антона все ниже и ниже, тяжелым камнем падало в душу — он терял остатки способности к малейшему сопротивлению.

— Далее. Умышленно пошел с начальником отряда Студеницей в трест Мелиоводстрой, с тем чтобы узнать, где хранятся геологические материалы по Песчанке. Впоследствии эти материалы были похищены мной и представлены в общество.

— Я их не крал... — тупо пробубнил Антон.

— А это что? — Вадим Валерьянович усмехнулся, и вынув из-за зеркала бумажный сверток, бросил его на стол.

Антон с тоской узнал знакомые синьки. Подлога быть не могло. Когда снимал копии, Антон увлекся и не заметил, как огонек с сигареты упал на одну из колонок. Потом он очень боялся, как бы старушка геологиня не обнаружила огреха.

— Какое значение имеет, кто и когда извлек их из шкафа? — мрачно усмехнулся Вадим Валерьянович. — Важно то, что об их местонахождении знали лишь ты да Студеница. Но тот вне подозрений, а ты...

Состояние полной прострации охватило Антона. Он сразу понял, что проклятый доктор никакого не «общество» и что все, известное ему об Антоне и Марии, он узнал из его же, Антоновой, болтовни.

Под утро, когда Антон немного пришел в себя и снова принялся за еду, Вадим Валерьянович позволил себе стать прежним добряком.

— Не бойся, Антон. Не так страшен черт, как его маляют. Собственно, тебе ничего опасного делать не придется. Будешь каждую неделю писать маленький отчетик о делах в отряде и на объектах комбината.

— Я в химии ни лешего не понимаю! — запоздало огрызнулся Антон.

— Ничего понимать и не надо. — Голос доктора стал совсем ласковым. — Подивился со стороны, спросил кого-нибудь, что это такое, — и все. На планчик — и конец делу.

Антон обреченно вздохнул, потянулся к колбасе.

— А ко мне больше не заходи. Я сам позову, когда надо будет. Раз в неделю будешь являться вот по этому адресу в Песчанке. Напишешь отчетик, передашь хозяину — и гуляй домой. Если что надо будет — еда, деньги или еще что — тоже передашь через хозяина.

Хозяином оказался повар одной из столовых химкомбината Ибрагимов — толстый одноглазый старик со смуглым азиатским лицом, совершенно лысый и совершенно не умеющий быть любезным. Антону не раз случалось видеть его, когда в пору организации отряда рабочие-буровики питались при химкомбинате. Встретились, ничуть не выдав взаимного удивления. Антон, ежась и внутренне

содрогаясь, написал первый свой «отчетик», запечатал в конверт, передал Ибрагимову и ушел.

Точно так же во второй визит, затем в третий... Хозяин дома был не из говорунов да и Антон не был расположен к болтливости: наивно полагал, что одноглазый молчун не знает, кто он и где работает. Позже Антон понял, что это не так, как понял и другое — доктор осведомлен о делах на комбинате куда лучше его, «отчетики» вовсе не главная цель Вадима Валерьяновича.

Самое главное и страшное произошло в начале марта, когда Студеница командировал Антона в управление за спиртом.

На Зауральском вокзале Антона неожиданно встретил доктор. Он был по-обычному приветлив. Поехали к нему на квартиру. За ужином Вадим Валерьянович интересовался привычками Студеницы и в конце концов как-то по-обыденному, спокойно произнес:

— Ну и чудесенько. Значит, ключи на ночь кладег под подушку? Лучше не придумаешь. Вот и заберите завтра ночью из его сейфа всю геологическую документацию.

— Как это забрать?

— Очень просто.

— А если он проснется?

— Что ж... Тем хуже для него. Придется вам его...

Антон дернулся всем телом.

— Ничего, ничего, справитесь, — хохотнул доктор.

Что было дальше, Антон помнит плохо. Визжал, кричал или просто-напросто шептал — выпало из сознания. Знает, что твердил одно: «Нет, нет, не могу, не умею!» Пришел в себя после истерики лишь тогда, когда Вадим Валерьянович свирепо швырнул его на пол.

— Заткнись! Молчать! — И доктор сунул руку в карман. — Знал, что ты слюняй, но быть трусом до такой

степени... — И вдруг выхватил пистолет. Пошел к Антону. Схватил свободной рукой за лацкан пиджака: — Встать! Слушай меня внимательно! — Вадим Валерьянович несколько раз встряхнул Антона. — Бог с тобой, коли ты такой заяц... В самом деле, можешь только напортить... Завтра в два часа ночи откроешь дверь. Но смотри, чтобы все спали!

— У нас ни у кого часов нет, — капитулировал Антон.

— Они тебе и не нужны. Последний ночной поезд из города приходит без двадцати два. Подождешь немного — и топай на двор. Ясно?

— Ясно.

— И смотри, не вздумай... — Оскалился в дьявольской улыбке, сунул пистолет в карман. — Симулянта, дезертира и предателя пуля везде найдет! Видишь документы? Если вздумаешь донести — они обязательно попадут в руки чекистов. Эти с тобой церемониться не станут!

Вадим Валерьянович пришел не один. С ним было двое спутников. Один — неизвестный — остался в тени на улице, Ибрагимов затаился в коридоре, а доктор с Антоном вошли в комнатку Студеницы. Вадим Валерьянович, видимо, чувствовал себя не очень уверенно. Он замялся у двери, оглядывая комнатку, тускло освещенную через окно уличным фонарем.

На столе стояли открытая банка тушенки и почти полная бутылка — он опасливо понюхал консервы и содержимое бутылки. Подошел к койке Студеницы, настороженно полюбопытствовал, что за лекарство — и опять-таки понюхал содержимое стакана. Поозиравшись, выплеснул воду в плевательницу, а вместо нее налил из бутылки. По комнатке растекся запах спирта. Графин с водой доктор убрал на подоконник и прикрыл занавеской.

Студеница вдруг заворочался, скинул с груди одеяло. Вадим Валерьянович откинулся в тень, в руке его меркло блеснул пистолет. У Антона оборвалось что-то внутри.

Студеница скинул ноги с кровати, тяжело передохнул несколько раз, держась одной рукой за сердце. Другой стал шарить по табуретке. Нащупал коробочку, взял сразу две таблетки, кинул их в рот и тотчас схватил стакан, сделал несколько крупных глотков...

Дальнейшее, как потом казалось Антону, длилось очень долго. Со стуком поставив стакан обратно на табурет, Студеница передернулся, схватился обеими руками за впалую грудь, захрипел, повалился на постель. И стал биться на койке, хрипя и икая. Бился, бился, а потом затих, вздохнул глубоко и уронил длинную руку на пол.

Из тени шагнул доктор. Снял перчатку, взял Студеницу за запястье. Замер. Затем повернул начальника отряда на бок, накрыл одеялом. Прошипел, адресуясь к замершему Антону:

— Вот и все. А ты боялся... Шито-крыто.

Только тогда понял Антон, что произошло. Чтобы не упасть, вцепился рукой в полушубок, висевший рядом на гвозде.

Доктор снова надел перчатку, извлек из-под подушки ключи...

Покидая барак, Вадим Валерьянович приостановился на крыльце, похлопал готового упасть Антона по плечу, шепнул ободряюще:

— Все хорошо. Не волнуйся. Не забудь дверь запереть. — И, увидев, как вышел из тени и махнул рукой третий — неизвестный, — поспешно простился.

Антон отупело постоял на морозе, а потом побрел к себе на нары, забыв о наказе доктора. До утра не сомкнул глаз. Не то чтобы переживал и страдал, а просто лежал пластом, измученный и обессиленный. Лишь утром вывел

его из этого оцепенелого состояния истошный вопль Дарьи Назаровны:

— Робяты-ы-ы-ы... Ефим Нилыч помер!

Впоследствии, когда прошли первые страхи, у Антона затеплилась надежда, что проклятый Вадим Валерьянович уже никогда больше не появится на его пути. Он даже почувствовал себя спокойнее. В конце концов Студеницу он не убивал, а умереть вот так, выпив спирту вместо воды, начальник отряда мог и без чьего-либо присутствия.

Но однажды Антон увидел Ибрагимова с тем, с третьим, с неизвестным. Обостренная страхом и переживаниями память четко запечатлела его силуэт, все его движения. Сомнений быть не могло — он точно так же помахивал рукой, шагал так же широко...

Несмотря на вспыхнувший с новой силой страх, подталкиваемый неясным, но могучим инстинктом самосохранения, Антон покинул очередь в поселковую баню, в которой мерз уже больше часа, и последовал за мирно беседовавшими мужчинами.

Идти пришлось недолго. Ибрагимов со спутником свернули в ближайший переулочек, а затем вошли во двор небольшого дома. Глядя из-за угла, как незнакомец в брезентовой робе, стоя на высоком крыльце, по-хозяйски открывает замок, Антон злорадствовал. Впервые в жизни кто-то мог зависеть и от него, слабака и неудачника Антона! Случись идти в органы безопасности с повинной — будет что принести в свою пользу. Хотя сама мысль о встрече с чекистами приводила его в ужас, возможность заполучить какой-то шанс прибавила ему энергии, сделала смелее.

Руководимый этим новым чувством, он почти все свободное время шатался возле заветного переулочка, поглядывая за домом с высоким крыльцом. Человек в брезен-

товом костюме утром уходил, а вечером приходил, днем же в доме и во дворе хлопотали старик со старухой таких преклонных лет, что даже Антону было ясно — никакого интереса они не представляют. Он узнал, что человек в брезентовой куртке — квартирант, работает монтажником на химкомбинате, что зовут его Николаем. И тем не менее ходил. Мерз на резком весеннем ветру. Чего-то ждал. И все-таки дождался.

Антон глазам своим не поверил, когда из дома вышли двое. Николай и удивительно знакомый человек в пушистой шапке. Ну, конечно же — тот самый розовощекий бодрячок, которого встретил в первое посещение у Вадима Валерьяновича.

Антон вслед за ними дошел до вокзала. Там монтажник и его гость простились. Николай уехал на автобусе, а гость пошел покупать билет на дневной поезд. Тут будто кто толкнул Антона в спину. Он тоже купил билет и лишь потом побежал звонить в контору. Сказал оставшемуся за начальника Ване Зубову, что надо срочно съездить в город, что отработает свою смену в воскресенье.

Сели в один вагон. Антон сразу забрался на третью полку, притворился спящим. Хозяин пушистой шапки оказался общительным и непоседливым человеком, заводил беседы то с одним пассажиром, то с другим, кочевал из купе в купе, выходил в тамбур. Его подвижность принесла боявшемуся слезть с полки Антону много неприятных минут. За три часа, что тащился поезд до Зауралья, он устал, словно отработал подряд две смены на буровой.

Но об усталости Антон вскоре забыл. Пушистую шапку в городе встретил сам Вадим Валерьянович. Правда, пришлось проехать вместе с бодрячком на трамвае, потом на повороте выпрыгнуть из него, когда тот неожиданно вышел на одной из остановок. Все остальное произошло очень просто. Антон спешил догнать пушистую шапку,

мелькавшую в толпе, и чуть не столкнулся с доктором, стремительно вышедшим из аптеки. Доктор не заметил Антона, заспешил к замедлившей движение пушистой шапке.

Они свернули в пустынный скверик, сели на скамью и стали о чем-то беседовать. Антону, нырнувшему в хлебный магазин, было отлично видно, как дородный доктор прижимал руки к груди, словно оправдываясь в чем-то, а бодрячок, энергично жестикулируя, говорил сердито и быстро. Поговорив недолго, они встали, кивнули друг другу и зашагали в разные стороны: Вадим Валерьянович — горбясь, точно побитый, а пушистая шапка — по-военному браво. Сердясь на сгущающиеся сумерки, Антон вновь последовал за ней.

Через несколько кварталов бодрячок уверенно свернул во двор небольшого двухэтажного дома, и вскоре в угловом окне на втором этаже вспыхнул электрический свет.

Очень довольный собой, Антон возвратился на вокзал...

А буквально через день он стал военным человеком — всех буровиков влили в состав подразделения майора Селивестрова. Исчезла причина бояться военно-медицинской комиссии. Вроде бы все складывалось наилучшим образом, а настоящее успокоение не приходило. Наоборот, Антон интуитивно чувствовал, что над головой его сгущаются тучи. И опять не ошибся.

Однажды вечером, когда получивший увольнение Антон возвращался из кино, его догнал Ибрагимов и приказал следовать за ним. Что-то угрожающее и злое было в его глухом голосе и тусклом блеске единственного глаза. Антон похолодел, внутренне съежился и покорно потащился за молчуном-поваром.

В квартире Ибрагимова их ждал Вадим Валерьянович. Он был очень утомлен и несловоохотлив. Приказал

Антону рассказывать о всех новостях, а сам открыл блокнот и приготовился записывать.

Куда-то мгновенно улетучилась недавняя Антонова уверенность, он разом забыл о «kozyрях» и намерении поугагать доктора своей осведомленностью. Покорно рассказал о всем, что делалось в подразделении, а потом безвольно принял к исполнению очередное приказание.

Сейчас, глядя в живую, шевелящуюся темноту казармы, Антон готов по-звериному взвыть от своего бессилия, от тяжких предчувствий и огромной усталости, парализовавшей все его чувства. Он боится чекистов, боится разоблачения, боится суровых законов военного времени, но еще больше боится выполнить приказ ненавистного Вадима Валерьяновича. И в то же время понимает, что выполнит, ибо ужас, испытываемый перед доктором, всего сильнее — он знает об Антоне все.

Синий перевал

Марфу Ниловну обнаружили на барахолке. Она торговала залатанными брезентовыми и хлопчатобумажными спецовками да наволочками, сшитыми из ветхих простыней. Неимуший эвакуированный люд был рад и этому гнилому товару — торговля шла бойко.

По просьбе Бурлацкого, Марфу Ниловну допрашивают оперуполномоченный местного

управления госбезопасности и следователь уголовного розыска. Сам Бурлацкий сидит возле приоткрытой двери в смежной комнате и записывает наиболее существенные показания. Вернее, готов записывать. На самом же деле с трудом сдерживает зевок, а карандаш так и лежит на столе. Ничего важного Марфа Ниловна не говорит, только всхлипывает и непрерывно твердит, что у нее сын тоже воюет, что она стара и одинока...

— Так зачем вы все-таки приезжали к брату в Печанку? — уже в который раз устало спрашивает оперуполномоченный.

— Говорила ведь! Навестить. Брат он мне иль кто? Соскучилась.

— Кончайте юлить, Марфа Ниловна! — сердится следователь. — Нам отлично известны истинные ваши отношения с покойным братом. Что за внезапная вспышка любви? Впервые отправиться к нему в полевую партию... А какова истинная цель вашего визита?

— Никакая. Навестить. — Следует всхлип. — Да уж не отвяжешься от вас... Денег хотела взять. Женщина я одинокая, бедная...

— Тем не менее за последние месяцы умудрились положить на сберкнижку более пятнадцати тысяч рублей. Кто вам их дал?

— Мне? — голос женщины звучит испуганно. — Никто не давал. Кто-то даст... Кому я нужна?

— Значит, вы приезжали к брату за деньгами, — констатирует оперуполномоченный. — Несмотря на то, что в ранних показаниях называли его голодранцем. Имея к тому же крупную сумму на книжке...

— Да чего вы ко мне пристали? Чего вам от меня надо?

— Зачем вы приезжали к брату? Откуда у вас появились столь солидные доходы?

— Откудова... Думаете, воровка я? Накося, не поймаете! — В голосе Марфы Ниловны звучит откровенная злость. — На складе утильсырья работаю. Нечего воровать. А ежели какая рубашонка али штаны попадутся подходящие, так собственными руками штопаю...

Бурлацкому становится совсем скучно. Бесплезная трата времени. Мелкая спекулянтка. Приспособленка.

— Так зачем вы все же ездили в Песчанку?

— Зачем, зачем... Разжуй да в рот положи! Ветошь привезла. Хотела на списанные шмутки сменять. Им все равно — лишь бы по весу... И работы лишней не делать.

Бурлацкому представляется, как к утомленному, продрогшему Студенице заявила сестра с мешком тряпья... Конечно, так и было. Списанные спецовки и постельное белье полагается изрубить и изорвать в присутствии специальной комиссии. А потом оприходовать, как тряпье-обтир. Народу же в отряде раз-два и обчелся. Кого включать в комиссию, кому рвать и стирать обноски? Ясное дело, жадная старуха рассчитала верно.

— И что же, обменяли?

— А куда денется. Поартачился, поругался... — И опять всхлип.

Бурлацкому ясно: надо кончать допрос — к смерти Студеницы эта базарная пройдоха отношения не имеет.

В геологическом управлении старшего лейтенанта ждет очередная неудача. Получив от нормировщиков пачки старых сменных рапортов песчанского отряда, он долго листает их, но почерка, сходного с тем, что в тетрадке, обнаружить не может. Проходит час за часом, растет гора просмотренных рапортов, а результат прежний — не видит Бурлацкий нужного почерка.

Рапорт должен заполнять и подписывать сменный мастер. Поскольку ничего обнаружить не удастся — значит, почерк в тетрадке принадлежит не сменному мастеру.

Тогда кому? Механику, шоферу, коллектору? Но таких специалистов у Студеницы не было...

Бурлацкий вспоминает то время, когда сам работал гидрогеологом. В ту пору существовали точно такие же порядки. Впрочем, помнится, старые мастера, к которым рабочими ставили более грамотных мальчишек, предпочитали, чтобы рапорты заполняли эти мальчишки, а они, сменные мастера, лишь подписывались. Так что из того? Не заставишь же всех бывших мастеров и рабочих отряда Студеницы писать диктант! Нежелательно.

Но все же выход надо найти. Любой работник так или иначе оставляет после себя собственноручно написанные документы. Хотя бы то же заявление о приеме на работу или какую-нибудь анкету... А что еще? Расписывается в платежных ведомостях, расходных ордерах...

Осененный догадкой, Бурлацкий возвращает рапорты нормировщикам, а сам спешит в бухгалтерию. Требуется у расчетчиков старые авансовые отчеты по песчанскому отряду.

И опять перед глазами мелькает документ за документом. Сидя в пустынной камералке, Бурлацкий все-таки прячет тетрадку под бумагами, а сам сравнивает, сравнивает... До тех пор, пока не начинает рябить в глазах. Заставляет себя откинуться на спинку стула. Хочет думать о другом. Получается плохо. Наверное, оттого, что, помню дел, думать Бурлацкому почти не о чем. Правда, где-то в Караганде живут мать, сестра и отчим, но это очень далеко. И во времени и в пространстве...

Отца Николай не помнит. Сибирский крестьянин-переселенец, в гражданскую войну он погиб от пули белогвардейца-кулака. Мать поехала в родные края — под Вологду. Через несколько лет вышла замуж за приезжавшего в отпуск шахтера. Уехала. Николай стал жить у бабушки.

Только и осталось в памяти — старая покосившаяся изба на косогоре, морщинистое доброе лицо бабки Агриппины да сельское стадо, при котором каждое лето состоял подпаском. И еще классные комнаты: сначала в сельской школе, потом в интернате, потом на рабфаке, потом в институте.

Кажется, всю жизнь то и делал, что учился. После института учился практической работе в поле. Только-только освоился — был направлен с комсомольской путевкой в органы госбезопасности. И опять учеба. Учился военному делу, караульной службе, оперативным навыкам и еще многому-многому... Все время под чьим-то началом, под чьим-то руководством, все время в учениках. Лишь теперь первое самостоятельное задание. И как-то не хочется думать ни о чем, кроме него.

И вновь мелькает документ за документом — бесчисленное количество строк и подписей. Все же много порождается писанины даже крохотным буровым отрядом, в котором нет ни одного канцелярского работника! Но... Стоп! Что это? Посторонние мысли вон.

Бурлацкий неторопливо роется в пачках документов. Уже не вглядывается в строки. Ищет определенную фамилию. Вот перед ним три авансовых отчета. Так и есть. Ошибки быть не может. Почерк сменного мастера Коротеева!

Коротеев? Каков он из себя? Фамилия знакомая, но лица Бурлацкий вспомнить не может, хотя отлично знает, что не раз видел его в казарме. Впрочем, теперь это не имеет значения. Теперь этот неприметный Коротеев никуда не денется.

Чувствуя огромное, опустошающее облегчение, Бурлацкий поднимается со стула, с наслаждением потягивается, улыбается своим веселым мыслям: как-то крикнет железобетонный Селивестров, когда узнает новость!

А мысли Селивестрова в самом деле далеки от Бурлацкого и сделанных им открытий. Майор завершает очередное путешествие по району. Ищет Синий перевал. Не допускает мысли, что он, фронтовой офицер, отступит, не найдет то, что сумел найти покойный труженик Студеница.

Вчера вечером глубокий старик, хозяин дома, в котором остановился майор на ночлег, рассказал любопытную историю. Будто бы лет пятьдесят назад приходилось ему бывать в Татарском хуторе, что в тридцати верстах от Песчанки, и что удивил его имевшийся там колодец. Во всех селах колодцы глубиной до десяти метров, а этот гораздо глубже и якобы вода в нем была несказанно сладкой, какой старику ни до, ни после того нигде отведать не доводилось. Он так и говорил: «Сладкая».

Подобных историй Селивестров наслышался много, но проверка всякий раз гасила надежды. Рассказчики или что-то путали, или давали волю фантазии, или не понимали, о чем шла речь. Вполне могло случиться так и в этот раз, но Селивестров все-таки нашел в райземотделе дореволюционную карту и к глубокому своему удовлетворению обнаружил на ней Татарский хутор. На новых картах он назывался очень мудрено: деревня Зангартубуевка.

Верный своим привычкам, майор откладывать поездку не стал, и теперь вездеход ползет по ухабам к этой самой Зангартубуевке. Сзади сидят лейтенант Гибадуллин и Ваня Зубов. Путь лежит на юго-запад, а Селивестров намерен заложить там несколько поисковых скважин. Потому предстоит обследовать состояние подъездных путей, мостов, выяснить наличие квартир, электроэнергии... Да мало ли дел! Времени на лишние разъезды нет.

Утром произошла неприятная телефонная стычка с Батышевым. Директор опять-таки требовал ясного ответа: где строить насосную, куда тянуть магистральный во-

допровод, и Селивестров чувствовал себя скверно. Потом на несколько минут заехал Купревич и конфиденциально сообщил, что через две-три недели комплекс пороховых цехов будет полностью готов к пуску.

— Дело за вами, Петр Христофорович. Запасов воды в водохранилищах хватит ненадолго. Так что готовьте окончательное решение. Отступать уже некуда.

Селивестров понимал — некуда. В поселке и на территории комбината все водопроводы уже уложены в траншеи, засыпаны землей, установлены водоразборные колонки, смонтированы краны. Дело — за водой, которую сам Селивестров еще не знает, где взять.

Поэтому майор неразговорчив и хмур, хотя в машине весело. Молоденький шофер, Гибадуллин и Ваня Зубов оживленно обсуждают важное сообщение из Казани, где у помпотеха родился сын-первенец весом в три с половиной килограмма. Никто из них понятия не имеет — много это или мало, и по этому поводу в адрес папы-Гибадуллина сыплются добродушные подначки. Празднично настроенный родитель прощает юным спутникам нарушение субординации и грозит вырастить из сына если не Героя Советского Союза, то уж знаменитого генерала обязательно.

Бездетный Селивестров тоже не знает, много или мало — три с половиной килограмма, — и в глубине души немного завидует расхваставшемуся помпотеху. Это, однако, не мешает ему размышлять о загадке: что все же означает название Синий перевал?

Зангартубуевка оказалась небольшой деревенькой. Половина домов стоит с заколоченными окнами. Выбравшись из «виллиса», Селивестров долго озирается, удивляясь людям, покинувшим такое веселое, зеленое место. Сразу за огородами кучно теснятся белые березки, на отяжелевших ветвях которых набухают почки. Внизу (де-

ревня на угоре), куда хватает глаз — деревья, кусты. Для поустепного края местность и впрямь нарядная.

— Кто у вас здесь может все колодцы показать? — поздоровавшись, обращается майор к вышедшей из ворот ближнего дома женщине.

— Дед Лука. Он тутошний, — подумав, отвечает она. — Вон на том порядке шестой дом с краю.

Дед Лука оказывается древним, замшелым, но чрезвычайно общительным стариком. Он, очевидно, радехонек приезжим людям. Охотно рассказывает и о себе, и о деревне:

— Точно. Хутор Татарским до гражданской войны назывался. Народ? Правдось, съезжает народ. Хлебушко ныне сеять негде стало. Как на грех, два года кряду по весне засуха. И буря за бурей — крыши с изб срывало. А уж голехоньякая родящая-то земля, стало быть, вся в пыль...

— Что, весь плодородный слой сдуло?

— Сдуло, мил человек, сдуло. Не растет почти ничего. Лес корчевать некому — мужички на войне, в эмтээсе тракторишек тоже ничего, со скотиной поджились. Стало быть, какие семьи и разбрелись по соседним деревням, а кто в Песчанку...

— А вы почему остались?

— Дык как сказать... — дед грустно крестится. — Куда я с родного погосту? Деда мои, тятя с матерью, жена тутося схоронены. Два сына в гражданскую... Куда я от них? Даст бог, перебыюсь как-нибудь. Вон сноха да двое внучков на руках...

— Вы местный уроженец?

— А как же... Еще дед моего деда тутось поселился.

— Так... — Селивестров оглядывается, увидев сруб колодца, подходит к нему. — Это ваш, вы копали?

— Нет, тятя мой.

— Глубокий?

— Не шибко. Пять сажен. При мне рыли.

— Камни были?

— Нету. Сплошь глина, суглинок, супесь... Вон в огороде я сам копал. Тамося та же история.

— Вода солоноватая?

— Дык как сказать... Мы привышные. Вот только мало ее. Летом, стало быть, аж до дна вычерпываем. Угощайтесь, не жалко... Бадья на месте. Не хороним...

Ваня Зубов с Гибадуллиным извлекли ведро воды, набирают в бутылки пробы. Потом поочередно прикладываются к краю ведра. Прикладывается и майор. Вода и в самом деле чуть солоновата на вкус — такая же, как во всех колодцах Песчанского района. Сделав несколько глотков, Селивестров разочарованно отходит от сруба.

— Вода как вода... — бормочет дед Лука. — Вот в сабуровском колодце — енто да! В праздники, стало быть, на чай да на еду оттудова берем. Хоть и далече... Сладка водица!

— В сабуровском? — переспрашивает майор. — Где это?

— Енто на околице. Аж у старой поскотины.

— Вы не покажете нам?

— Можна. Отчегось не показать... — И дед Лука, опираясь на такой же, как он сам, почерневший, высушенный березовый посох, семенит по улице, обходя редкие лужи.

Селивестров с надеждой глядит на его худую, сутулую спину и начинает волноваться.

— Глубокуший сабуровский-то колодец, — словоохотливо поясняет на ходу дед Лука. — Восемь лет тому, меряли мужики. Аж пятнадцать сажен! Сруб лиственный — лес издаля привезенный.

— Кто его копал?

— А никто не знат. Кличут сабуровским, хошь усадь-

ба та, сколь народ помнит, Пупыревых была. Там и теперься Клавдя Пупырева живет. Муж-то на войне...

Старая блестящая цепь ползет из колодца ужасно медленно. Так, по крайней мере, кажется Селивестрову. Он топчется возле древнего лиственничного сруба и ждет не дождется появления бадьи.

— Из деревянной посуды ента вода слаще,— тараторит не умеющий молчать дед. — Клавдя, ташши-ка ковшик!

Первым пьет Селивестров. Он делает маленький глоток, затем другой и начинает пить быстро и емко. Такой вкусной воды он, кажется, не пивал ни разу в жизни. Только в карбонатных породах Урала бывает такая вода. Это майор отмечает для себя как-то так, попутно, в силу практической привычки.

Шофер, Гибадуллин и Ваня Зубов с любопытством глядят на своего командира. Ждут обычного вздоха разочарования. Но, передав помпотеху ковш, Селивестров вдруг хватает деда Луку под мышки и, как малыша, подымает в воздух:

— Ну, дедушка, спасибо! Знатной водичкой угостил!

Опешивший дед беспомощно болтает тонкими кривыми ногами, бормочет растерянно:

— Э... э... э... паря...

Все находящиеся во дворе, в том числе и дородная Клавдия, громко хохочут.

— Вот что,— говорит Гибадуллину майор, поставив старика на землю,— садись на машину, осмотри хорошенько подъезды — и на базу. Электроразведчиков сюда. Два станка колонкового бурения и ударник тоже сюда. В полном комплекте. Понятно?

— Будет выполнено!

— Здоров, чертяка! — морщась, щупает бока дед Лука. — Ентак и дуба сыграть можно...

— Живи, дедушка, живи! — широко улыбается ему Селивестров и тут только замечает, какие ветхие пиджачишко и брючонки на старике. Поворачивается к Гибадуллину. — Ты вот что... Передай Крутоярцеву, чтобы прислал сюда комплект обмундирования. Поменьше размером.

— Есть! Переслать комплект обмундирования поменьше, сахару, чаю и консервов.

— Совершенно верно, — хвалит его за сообразительность майор.

— Да что ты, мил человек... — Дед Лука растроганно моргает.

— Ничего, так и надо. Новость твоя дороже стоит, — продолжает улыбаться Селивестров. — Ты лучше припомни, где тут у вас есть Синий перевал?

Дед Лука с готовностью закатывает выцветшие глаза к весеннему голубому небу, теревит бороденку. Майор ждет, но старик огорченно вздыхает:

— Нет, мил человек. Не помню. Нетути у нас такова места.

— А ты припомни. Где-то возле вашей Зангартубуевки такое должно быть. Синий перевал, а?

— Нет, не слыхивал такова, — вторично вздыхает старик.

— Так... Почему же деревня русская, а название такое чудное?

— Дык как сказать... Баяли, не то татары, не то казахи жили. Отсея и название. Мы-то попросту Татарским хутором себя донине называем, а ентот за-га... зан-га... зан... Тьфу! Не выговоришь. Ентот ее только почтовики величают.

— Как точно называется деревня? — вдруг вмешивается Гибадуллин.

— По карте: Зангартубуевка.

— Ха! Так это и есть ваш Синий перевал! — обрадованно хохочет Гибадуллин. — Тут только буква пропущена да конец изменен. — И распевно декламирует: — Зангар тау буеы — по-татарски значит синий перевал. Зангар тау буеы!

— Буе-еы... — пробует повторить Селивестров, безнадежно машет рукой и оглядывается. — А ведь точно. Лес и деревня вроде бы на водораздельной возвышенности... Буе-еы... буе-е... буы... Черт возьми, как просто! Скажи, дедуся, у вас зимой, примерно в феврале, не был здесь геолог? Такой высокий, худой, в черном полушубке?

— Не-е... Не знаю, — пожимает плечами старик.

— Да как же нет! Был, был, товарищ начальник! — вмешивается Клавдия. — Как раз в конце февраля и был. Тоже колодцем интересовался.

— Ага! — радуется майор. — Значит, все-таки нить верная!

— Какая нить? — удивляется Клавдия.

— А... — весело машет рукой Селивестров. — Это я так. Скажите, хозяйюшка, а где отвал колодца? Куда землю девали, когда его рыли?

— Господи, какая земля? — хозяйка беспомощно смотрит на деда Луку. — Отродясь никакого отвала не видывала.

— Дык как сказать... — подтверждает старик. — Какой уж тут отвал, ежеля неизвестно, кто и в кои веки его сооружал?

— Но хотя бы камни где-нибудь попадаютя?

— Не-е... — качает головой хозяйка. — Какие у нас камни!

— Так оно, так, — подтверждает старик. — По всей округе глина да песок. Из всех камней — один кирпич. Ен-того добра вдосталь. Хотя... — Он опять закатывает глаза, морщит лоб, теребит бороденку. — А ведь што-то было...

Помнится, в мальчишестве Никишка Пупырев, стало быть, Клашкиного мужика дед, как-то запузырил мне по лопатке таким булыгой, что кость чуть не лопнула. Ну да, у ентих самых ворот!

— Каким цветом был камень? Какой вообще? — загорается майор.

— А бог его знат... — Дед пялит в небо глаза, накручивает на корявый палец бороденку. — Булыга как булыга. Почитай, фунта на два... Говорю, лопатку чуть не погубил.

— Так... — Майор продолжает улыбаться старику. — Значит, чуть не погубил... — И обращается к хозяйке: — Будьте добры, если есть, дайте нам две лопаты. Позвольте порыться возле вашего дома.

Копать землю возле усадьбы Селивестрову и Ване Зубову помогают сама хозяйка, ее сын и несколько его товарищей. Никто из них не знает, зачем военным людям надо найти хоть какой-нибудь камень, но чувствуют — это очень важно. Вскоре возле дома собирается почти все население Зангартубуевки. Появляются ломы, кирки и даже сломанные лезвия кос-литовок. Все работают сосредоточенно и деловито. Из оттаявшей земли извлекаются куски кирпича, сгнивших досок, черепков...

Так проходит час, два, но никто не уходит. Видимо, уже давно в деревне не работали вот так, сообща. Несмотря на усталость, то и дело звучит смех, веселые подначки над неудачниками. Селивестров поглядывает на своих добровольных помощников, и в душе у него крепнет убеждение — с этими работающими людьми он найдет то, что ищет.

И находка приходит. Как всегда в таких случаях, неожиданно. Ваня Зубов, прощупывая землю возле плетня, где до него уже копались, вдруг чувствует — в который раз! — под острием лопаты что-то твердое. Раскапывает.

Извлекает на поверхность большой тяжелый камень с острыми углами, испещренный ноздреватыми кавернами. Не веря себе, обтирает камень рукавом гимнастерки. Потом подает находку майору. Селивестров восхищенно крикает, знаком просит молоток.

Удар молотка. Еще удар. Пористый, изъеденный водой и временем, камень разваливается пополам, обнажив светло-серое нутро. Селивестров бережно проводит пальцами по кристаллическому излому, подмигивает Ване.

— Что? — шепчет тот. — Известняк?

— Известняк, Ваня, — светится лицом Селивестров. — Это батюшка Урал руку протянул... Ответвление уральской известняковой полосы.

Время ожидания

Бурлацкий занимается в областном управлении, где ему предоставили небольшой кабинет. Веселый апрельский день кончается, основательно припекавшее солнце скатилось на край чистого, умытого неба и сквозь зарешеченное окно иронически смотрит на кипу бумаг, лежащую перед старшим лейтенантом. Иронически — потому что сам Бурлацкий глядит на эту кипу с усталым раздражением.

Казалось бы, главные нити находились в руках, осталось лишь получить неопровержимые улики и требовать санкции на арест Коротеева, но все ответы на запро-

сы, сделанные Бурлацким, начисто реабилитируют сменного мастера. Как родился в Зауральской области, так ни разу за всю жизнь не выезжал за ее пределы. Окончил семь классов сельской школы, а потом работал. Все время на рабочих должностях. К чему ему умерщвлять Студеницу?

Правда, отец — мелкий шабашник, халтурщик, да и о самом Коротееве в характеристиках лестного мало: индивидуалист, политически инертен, в коллективе держится особняком, а начальник Зауральской партии прямо характеризует его трусом, личностью с собственнической, кулацкой психологией. Но что из того? При чем здесь Студеница и исчезнувшие геологические документы? Зато в тех же характеристиках о том же Коротееве единодушно говорится, что работающ, дисциплинирован, что дело знает, по своей квалификации может занимать должность старшего мастера и даже прораба, но... И опять же оговорка — не пользуется авторитетом у буровиков. Довольно пестрая личность. И в то же время совершенно ординарная.

— Бррр... — произносит вслух Бурлацкий и встряхивает головой. — Не человек — шарада!

А решение принимать надо. Вообще-то оно уже есть — у Бурлацкого давно созрело убеждение, что спешить не следует, что — хочешь не хочешь — придется ждать, но он заставляет себя искать иной выход. Но иного выхода нет, и старший лейтенант зол на себя, на бесполезные бумаги, стопкой высящиеся перед ним, на щуплого, неприметного Коротеева.

Человек как человек. На жаргоне деревенских баб — мужичёшко. Не велик росточком, не мастит фигурой, не вышел лицом. Лицо... Бурлацкий видит перед собой Коротеева в мешковатой, вздувшейся на спине и животе гимнастерке, в широченных галифе, в кирзовых сапогах,

грубые раструбы которых бьют по тонким ногам. А лица не видит. Ни белое, ни загорелое, нос и не картошкой и не скажешь, чтобы утиный или прямой, волосы какого-то неопределенного цвета, что-то вроде грязной пеньки, а глаза... Бывают такие глаза, цвет которых даже опытный физиономист не определит, если к тому же владелец их прямо никогда не смотрит, а все поглядывает как-то вскользь, куда-то мимо. Ни серые с рыжинкой, ни рыжие с буринкой... Все в этом лице расплывчато, аморфно. Не велик человечешко, а попробуй раскусить! Тут загадка посложней, чем у Селивестрова...

Нет, майору не легче. Перед ним, перед Бурлацким, хоть и расплывчатый, но конкретный объект исследования, а перед Селивестровым куча проблем — и все в тумане. Сейчас майор должен быть у Батышева — принимают окончательное решение.

Бурлацкий выбирается из-за стола, начинает расхаживать по кабинету.

Странные вещи случаются в жизни. Взять хотя бы взаимоотношения директора и бывшего комбата. Оба мастаки в своем деле, оба, как говорится, от пяток до макушки бескорыстные работяги, а встретятся — глядеть друг на друга иначе, как исподлобья, не могут.

Ну, принял Батышев майора за тыловую крысу... Бывает. Но Купревич русским языком объяснил ему, кто таков в самом деле Селивестров. И что? Удивился директор, почесал седой затылок, а отношения своего не изменил. Выходит, привык в принятых решениях быть упорным, сложившееся мнение быстро ломать не умеет. Хорошо это или плохо?

Смотря где и как.

А Селивестров о Батышеве все разузнал заранее. Знает, какой талантливый руководитель, знает, какой он патриот — отдавший и всю свою энергию родной стране, и

самое дорогое — обоих сыновей на передовую линию огня. И тем не менее тоже глядит букой, на резкость отвечает резкостью. Отчего?

Директор нетерпелив, требует быстрейшего решения проблемы водоснабжения, уклончивых ответов не принимает. Его можно понять. Но и Селивестров ясен, как божий день. Надо найти ключ к расшифровке проблемы — нужно время, а времени не дают. Тот же Батышев словно клещами за горло держит: давай воду! Два знающих специалиста, по деловой хватке очень похожие друг на друга люди, ведут себя, как два медведя в одной берлоге. Он, Бурлацкий, несколько раз пробовал поговорить с майором, но куда там — отмахивается, гнет прежнюю линию... Столкнулись два характера... А может быть, иначе нельзя? Может быть, это даже к лучшему? Трудно понять. Хорошо хоть есть Купревич. Этот смягчает стычки. На него вся надежда.

Вспомнив о Купревиче, Бурлацкий озабоченно запускает пятерню в короткий русый чуб. Во время недавнего посещения Песчанки генерал Кардаш конфиденциально сообщил старшему лейтенанту, что у особоуполномоченного погибла на фронте жена, просил приглядывать за ним. Похоронную направили на пустующую московскую квартиру, но мало ли что... Генерал очень боялся, что Купревич выйдет из строя. В такой-то ключевой, предпосковой момент!

Выполняя просьбу Кардаша, Бурлацкий по возможности «поглядывал». Но Купревич вел себя молодцом. Был энергичен и деятелен. Правда, похудел, осунулся, но... в такое время только редкие прохвосты полнеют. На днях Бурлацкий провел более часа в кабинете особоуполномоченного. Все это время Купревич толково консультировал руководителей многочисленных монтажных организаций, звонил, ругался, даже грозил. Бурлацкий погля-

дывал на него и удивлялся: откуда у такого белолицего, чем-то похожего на девушку молодого человека находятся резкие, сердитые слова? Выходит, обманчивая штука — внешность, выходит, есть в Купревиче нечто такое, что не позволит ему опустить руки, даже узнай он о гибели любимой жены. А потому, если схлестнутся директор с майором — у Купревича достанет твердости не допустить бестолковой драчки.

И тем не менее Бурлацкий уверен, что в кабинете директора сейчас дым стоит коромыслом. Рискованное, необычное предложение должен внести Селивестров. У Бурлацкого даже мурашки по спине пробежали, когда майор поделился с ним своими окончательными выводами. И не посмел он рассказать о встрече, которая случилась у него на днях в геологическом управлении.

А дело было так. В коридоре подошла к старшему лейтенанту миловидная женщина лет тридцати с немногим. Поинтересовалась:

— Извините, товарищ. Вы, случайно, не из подразделения майора Селивестрова?

— Да.

— Скажите, имя-отчество майора Петр Христофорович?

— Так точно. Петр Христофорович.

Обветренное лицо женщины слегка порозовело, в ка-рих глазах мелькнуло что-то затаенное.

— Тогда передайте ему привет от меня. Скажите: от Сони.

— Сони? Гм... А отчество?

— Просто от Сони. Он знает.

— Ну это он. А я? — неожиданно для самого себя проявил любопытство Бурлацкий.

— От Софьи Петровны, если это вам так важно.

— Очень важно, — подтвердил Бурлацкий и, чувствуя, что поступает бестактно, все-таки не сумел сдержаться:— А еще что сказать ему? Где вы, откуда, в каком качестве?

Настырность молодого офицера не смутила Софью Петровну. Она чуть улыбнулась, прищурилась, разглядывая Бурлацкого.

— Откуда? Эвакуирована с Кольского полуострова. Теперь работаю здесь. О семейном положении тоже доложить?

— Желательно, — брякнул Бурлацкий.

— Была замужем. Разведена. Детей нет, — с подчеркнутой иронией сказала Софья Петровна, видимо, не желая принимать всерьез нахальство собеседника.

— Понятно, — улынулся Бурлацкий, самым странным образом радуясь отчего-то за майора. — Привет будет передан...

Передать привет сразу он, однако, не смог — Селивестров почти круглосуточно находился в Зангартубуевке. Остаться наедине ни разу не пришлось. А когда это случилось, Бурлацкий почему-то промолчал. Не то чтобы побоялся в столь важный момент отвлекать майора, а просто решил подождать. В Бурлацком крепло убеждение, что в привете Софьи Петровны для Селивестрова может быть много значительного. Пусть Купревич с Селивестровым вершат свои дела спокойно. А то, что суждено узнать, так или иначе будет узнано. Только не теперь.

Расхаживая по кабинету, Бурлацкий ловит себя на мысли, что сейчас ему очень хочется оказаться на совещании, в кабинете Батышева, в котором наверняка — иначе и быть не может — дым стоит коромыслом.

В кабинете директора химкомбината в самом деле дымно. И шумно. Шумно, хотя спорят всего двое: Батышев с Селивестровым. Все прочие участники совещания уже высказались и теперь сосредоточенно курят, ожидая, когда директор с майором выговорятся до конца.

— Тридцать километров магистрального трубопровода. Три насосных станции. Шутка сказать! — гремит Батышев. — Каким проектом, какой сметой это предусмотрено?

— Никакими не предусмотрено, — хмуро роняет Селивестров.

— Вот именно! Вы толкаете нас на авантюру! — взмахивает короткими, толстыми руками директор. — Нам предлагают вогнать все наличные материальные ресурсы и средства в мероприятие, которое может оказаться стопроцентной фикцией.

— Я повторяю — это единственный наш шанс пустить все комплексы на полную мощность еще в этом месяце. Иного выхода нет.

— Шанс? Какой? Не вижу этого шанса. Что даст нам ваш пресловутый Синий перевал? Там еще не пробурено ни одной скважины, не добыто ни грамма воды.

— И тем не менее, не дожидаясь результата буровых работ и опытных откачек, предлагаю начать строительство насосных станций и трубопровода от Песчанки к Синему перевалу. — Селивестров кладет на стол стиснутые кулачищи. — Чем раньше мы приступим к строительству, тем раньше вода придет на комбинат.

— Какая вода?

— Которую даст нам Синий перевал.

Батышев оглядывается на присутствующих, как бы желая сказать: «Ну, что прикажете делать с этим твердолобым солдафоном?!»

— Значит, другого варианта не будет? — тихо спрашивает Купревич.

— Не будет! — Селивестров пристукивает кулаками по столу.

Трое суток вынашивал майор в себе этот план. Колебался, убеждал самого себя не спешить — и все-таки решил действовать. Конечно, лучше всего дождаться результата буровых и опытных работ. Спокойно и безопасно. Никто не сможет упрекнуть гидрогеологов в медлительности. Но ведь это минимум три недели. Три недели военного времени. В переводе на готовую продукцию — сотни тонн порохов и взрывчатки. Было над чем подумать.

Трое суток не уезжал Селивестров из деревни. Ждал, что скажут геофизики. Электропрофилирование дало хорошие результаты. Майор убедился — в районе Синего перевала в самом деле залегают водоносные известняки. Не купол, не изолированный массив, а ответвление от общеуральской полосы. Электроразведчики шли на запад и ежедневно подтверждали эту гипотезу.

Тогда-то и оформилась идея. Он знал — если и удастся где-то найти воду, то только здесь. Значит, водопровод надо тянуть именно сюда. И он незамедлительно бросил топографов на изыскание трассы. А сам взвешивал, сомневался. Известняки известнякам рознь. Все зависит от площади и условий их питания, от трещиноватости, водопроницаемости. В прошлом не раз случалось встречать настолько монолитные массивы известняков, что скважины были практически безводными. Правда, их можно торпедировать — производя взрывы на глубине, создать искусственную трещиноватость, но таким путем «большой воды» не получить.

Окончательным толчком послужило неожиданное воспоминание.

Ночью сидели у костра. Крутойрцев с Гибадуллиним толковали о фронтовой жизни. Военная судьба у обоих сложилась довольно удачно. Попали на передовую лишь осенью прошлого года. Участвовали в наступлении: один на Северо-Западном фронте, другой под Ростовом. Не отступали, в окружении не бывали. А Селивестров всех этих горестей вкусил полной мерой.

Тут, у костра, вспомнилось ему вдруг, как дивизия выходила в последний раз из окружения. Вспомнилось и совещание у полковника Гурьевских, на котором решалась судьба соединения.

Случилось так, что дивизия рывком вышла к участку фронта, где сконцентрировались значительные фашистские силы. Времени для маневра не оставалось. Уходить куда-то в сторону не имело смысла: более подвижные немецкие моторизованные части тотчас организуют преследование — это понимали все.

Решали, каким путем организовать прорыв. Большинство командиров сошлось во мнении, что необходимо прорываться «по всем правилам», то есть эшелонироваться, обеспечить сильное прикрытие с флангов, сильный арьергард — и тогда вгрызаться в тылы гитлеровцев. Но Гурьевских решил по-иному. Все полки выдвинул в один эшелон, все силы бросил на прорыв. Буквально за цепями красноармейцев потоком шли автомашины, повозки, артиллерия в походном порядке... Это был смертельный риск. Но, как впоследствии оказалось, — риск спасительный.

Противник, оказывается, уже готовился нанести дивизии смертельный удар и, неожиданно для себя, попал под удар сам. Гурьевских на несколько часов опередил немецких генералов. Едва забрезжил рассвет, все полки одновременно рванулись на юго-восток, по касательной к ли-

нии фронта. Приготовившаяся к обороне, закопавшаяся в траншеях фашистская пехота в восточном секторе (где ждали немцы прорыв) так и осталась не у дел. Дивизия вышла к своим. Потерь оказалось настолько мало, что этому вначале не поверили. Ударившие с флангов подвижные немецкие части угодили по пустому месту. Риск оправдал себя.

Сидя у костра, Селивестров вспомнил счастливые лица бойцов и командиров, вспомнил Гурьевских... Глаза неулыбчивого комдива светились радостью, а в темных волосах четко обозначилась новая седая прядка. Это была цена риска лично для него.

И тогда Селивестров понял, что, позволив себе ждать три недели, он тем самым обеспечивает лично для себя сильные фланги и арьергард, спасает себя от будущих неприятностей. Но не мог променять свой спокойный тыл на многодневную работу огромного комбината. Решился.

Теперь, находясь в кабинете Батышева, он и не думает об отступлении — его лишь злит шумливость директора.

— Послушайте, майор, — глухо говорит Батышев. — Вы понимаете, какие потери в дефицитных материалах, деньгах и во времени мы понесем, если построенные станции и водопровод окажутся ненужными?

— Понимаю. В полном объеме.

— Тэк-с... — Батышев проводит ладонью по седому ежику. — И вы сознаете, что такая акция может быть воспринята как вредительство? И сознаете, что нас с вами могут расстрелять? Ведь это... По законам военного времени!

— Вы ни при чем. Всю полноту ответственности беру на себя.

— Каким образом? — вскипает директор.

— Письменное заключение за моей подписью у вас под руками. — Селивестров заставляет себя говорить спокойно.

Батышев хватает лежащие на столе листки, глядит на них — вроде бы не читал, — протягивает зачем-то Купревичу.

Купревич поправляет очки. Наступил решающий момент. Сейчас он должен взять на себя свою долю ответственности. А стоит ли? Стоит. Перед ним возникает лицо жены. Она не простила бы ему трусости... Он, Купревич, мало понимает в гидрогеологии, но он верит в решительность и упорство Селивестрова. Разумеется, такой нематериальной вещью, как внутренняя вера, руководствоваться в решении вопроса государственной важности нельзя, но иного не дано.

Купревич кладет листки перед собой, неторопливо достает авторучку. Заключение майора давно прочитано и обдумано. Все ясно. Как ясно и Батышеву, который завел эту шумную дискуссию ради того, чтобы убедиться в непреклонности и уверенности гидрогеолога. В конце концов за то, что впустую растрочены огромные средства и драгоценное время, отвечать все-таки придется и Батышеву. Случись неудача — заявятся к нему многочисленные ревизоры с многочисленными инструкциями о порядке оформления и обоснования капиталовложений. Селивестровское заключение — весьма сомнительное обоснование. Следовательно, директор идет на риск. Купревич четко понимает это и потому не сердится на Батышева за излишние резкость и многословие.

Итак, решено. Купревич проверяет перо, потом медленно пишет в углу: «Согласовано». И размашисто подписывается.

По притихшему кабинету прокатывается шумок. Батышев опять проводит ладонью по седым волосам, берет

листки, смотрит на подпись Купревича. Потом поднимает взгляд на Селивестрова:

— Ну что ж, майор, уломали, а?

И Селивестров, к огромному своему удивлению, видит в зеленых выпуклых глазах веселые, дружелюбные искорки.

— Никого я не уламывал.

Батышев оставляет его реплику без внимания, оглядывает присутствующих, обычным властным голосом отдает распоряжения:

— Главный инженер, главный механик, начальник ОКСа — обеспечить быстрее составление проекта. По составлению — всю землеройную технику на трассу. Всю! Водопровод — объект номер один. Докладывать мне трижды в день. В десять, пятнадцать и в двадцать один час.

Так вот он каков — этот настоящий деловой Батышев! Селивестров как сидел в неудобной позе, так и сидит, окаменев.

— Начальник технаба! Выяснить возможность получения труб. Подготовьте срочные запросы в Москву, выясните наличие труб по сортаментам на ближайших государственных базах резерва...

Руководители служб и отделов, которых называет директор, торопливо строчат в блокнотах.

Батышев продолжает отдавать распоряжения, и Селивестров, глубоко передохнув, с облегчением откидывается на спинку стула. Он знает: коли Батышев взялся за дело — оно будет завершено в возможно короткий срок. Этот не остановится ни перед чем. И разом прощает директору и грубоватость, и нетерпеливость, и неприязнь к себе самому. Впервые он не только умом, но и сердцем ощущает — они с Батышевым идут в одной, общей упряжке.

— За Коротеевым глаз да глаз нужен, — сказал Бурлацкий Селивестрову.

— Конечно, — сразу согласился тот. — Синий перевал — ключевой объект. Не надо было посылать его туда.

— Теперь поздно об этом говорить, — нахмурился старший лейтенант. — Вы же сами поспешили. Перебросили туда бригады в пожарном порядке. Надо было хотя бы поставить в известность.

— Пожалуй, — опять согласился Селивестров. — Упустил из виду. Не до того было... Что же теперь делать? Не убирать же его оттуда?

— Нежелательно. Вспугнем. — Бурлацкий пытливо посмотрел на майора. — Вы знаете Крутоярцева и Гибадуллина. Им можно доверять?

— Абсолютно! — Селивестров оживился. — А ведь это идея! Надо ввести их в курс дела. И еще Зубова да старшину технической роты, за которой числится Коротеев. Тогда этот тип будет у нас под контролем и на участке, и в казарме.

— Я то же самое хотел предложить. По моим наблюдениям, Коротеев что-то не особенно рвется в увольнения и командировки. Даже наоборот. С чего бы? Или боится кого-то в городе?

— Все может быть. Соберем вечером товарищей.

...Беседа не затянулась. И Гибадуллин, и Крутоярцев, и старшина технической роты — кряжистый мужчина

лет сорока, бывший пограничник — восприняли необычное распоряжение спокойно. Бывалые солдаты, они давно научились ничему не удивляться в военное время. Лишь Ваня Зубов опешил. Долго моргал куцыми ресницами, вытаращив прозрачно-синие глаза. В конце концов пришел в себя и он. И все же не удержался от наивного:

— Ну и гад... Кто бы мог подумать!

Вечером приехал Купревич. Он тоже хотел побывать на участке, где утром, по предположению майора, скважины должны были вскрыть коренные породы. Поскольку выехать предполагали на рассвете, решили лечь спать пораньше.

— Грубею. Хамовитее становлюсь, — пожаловался Купревич, укладываясь на раскладушке в тесной командирской комнатке. — Сегодня были представители предприятия, что поставило нам недоброкачественное кварцевое сырье. Внушал, внушал и, кажется, сорвался... Наговорил такого... Даже через мать! — Он болезненно улыбнулся и зачем-то пощупал побледневшие, ввалившиеся щеки. — Надо брать себя в руки...

«Ты и так молодцом держишься, — сочувственно подумал Селивестров, уже знавший о горе молодого ученого. — А на бракоделов вежливые слова в такое время тратить...»

За окном вбирало в себя вечернюю синеву безоблачное апрельское небо. Бледная желтая полоска заката нехотя гасла у горбатой кромки горизонта. В неспешных тихих сумерках слышались мерные шаги часового возле штаба подразделения да издали доносящийся рокот. Верный своим правилам, пробивной Батышев форсировал события. Экскаваторы двинулись на Синий перевал.

Селивестров снова посмотрел в окно. Желтая поло-

ска еле светилась за степной горбиной. И майору вдруг подумалось, что все это он уже видел и слышал. Давным-давно. Все это было. И чьи-то шаги под окном, и далекий рокот...

Когда? Селивестров беспокожно поправил сползшее к стене одеяло. Снова закрыл глаза. Не все ли равно... Бестолковый вопрос. Былые времена... В любой весенний вечер засыпавший гидрогеолог Селивестров слышал шаги за палаткой, стук двигателей дальних и близких буровых, видел то розовую, то желтую, как сегодня, полоску позднего заката. И тем не менее сегодня угасающая полоска света словно магнитом притягивает взгляд майора.

Бурлацкий рассказал о Соне... Селивестров буркнул ему: «Из одного института. Дружны были». И занялся текущими делами. Но старший лейтенант почему-то не удовлетворился ответом. Продолжал наседать в свободные минуты: «Что, на одном курсе? «Что, и мужа знали?» «Что, и на свадьбе были?» Далась ему эта свадьба!

Селивестров поглядел на Бурлацкого. Старший лейтенант спал крепким юношеским сном. Как ему хотелось, чтобы он, Селивестров, обрадовался! А тут дела, хлопоты, текучка...

Когда все-таки такое было? Ну да... В тот вечер, когда он узнал, что Соня поехала на Кольский полуостров. Помнится, он точно так же, как сегодня, лежал навзничь на койке и смотрел на угасающий закат, с которым угасали его надежды. Вполне возможно, что закат был не таким. Но то, что лежал он, Селивестров, вот так же — это точно.

И на Селивестрова нахлынуло... Вспомнились влажные Сонины глаза при последнем прощании, ее поцелуй, его собственные бестолковые мечтания. А еще отчетливее вспомнилась беспомощность. Почему она так поступила?

Может, он, Селивестров, в самом деле сам виноват во всем происшедшем? Может, сделал или сказал что-то не так... Может, действительно не надо было сидеть сиднем, а мчаться за ней самому? Все-таки мужчина есть мужчина и в равенстве любящих есть какие-то разные обязанности...

Растаяла мерклая полоска на краю степи, ночной козынкой прикрылось уснувшее небо, засветились сторожевые светлячки звезд, а Селивестров все думал, мечтал, волновался и не замечал, что Купревич тоже не спит, тоже ворочается. Лишь когда вспыхнула в темноте спичка и заморгал красный огонек папиросы, майор очнулся.

— Не спится?

— Да, что-то не дремлет.

— Госкуете? — забыв о строжайшем наказе Бурлацкого, спросил майор.

— Да. — Купревич, не таясь, тяжело вздохнул. — Не могу поверить. Не знаю, что б отдал, чтобы это было ошибкой...

— Бывают и ошибки, — неуверенно произнес Селивестров, стыдясь убогости своих слов. — Бывают. Крепитесь.

— Держусь, — вздохнул Купревич. — Пока комбинат не раскрутится на полную, слабинки себе не дам. А потом... — Он опять жадно затыкнулся. — Скажите, Петр Христофорович, к кому надо обратиться, чтобы взяли в действующую армию? Чтобы наверняка?

— К чему это! — упрекнул Селивестров. — Здесь вы в сотни раз полезнее. Здесь вы вроде бы генерал. А там... рядовой пехотинец.

— Хочу быть рядовым пехотинцем! — мрачно отрубил Купревич. — Не могу иначе. Пока не убью хоть одного фашиста — нет мне места на нашей земле.

— Здесь вы их убиваете в тысячи раз больше! — перебил его Селивестров, а сам подумал, что особоуполномоченному, с его неизлечимой душевной болью, в самом деле уже не будет покоя в тылу — изъест тоскливое чувство вины перед погибшей женой-фронтовичкой.

Купревич не ответил. Ткнул папиросу в пустую консервную банку, служащую пепельницей. Закрылся с головой одеялом.

Затихли в темноте, отдавшись каждый своим думам.

И вдруг из-под одеяла раздалось:

— Не знаю, что у вас было когда-то, но если она здесь... Не теряйте своего счастья, Петр Христофорович. Не вздумайте пустить события на самотек.

«Вот, чертов мальчишка, успел разболтать!» — без всякой злости, однако, подумал Селивестров о Бурлацком. Не найдя нужных слов, он тоже накрылся одеялом с головой.

— Товарищ майор! Товарищ майор! Вставайте!

Прошло немало времени, пока Селивестров очнулся от дремы и понял, что его толкают в спину, а за окном на малых оборотах рокочет двигатель автомобиля.

— Что такое? — Селивестров сел на койке.

— Авария, товарищ майор! — Крутоярцев в рабочем комбинезоне, забрызганном буровым шламом, пилотка заткнута за ремень, взъерошенные потные волосы черными прядями прилипли ко лбу.

— Синий перевал? — Селивестров проснулся окончательно, увидел в полусвете настольной лампы — Купревич с Бурлацким уже одеваются.

— Да, на буровой номер шесть. На забое что-то металлическое. Я приехал за электромагнитом и запасным двигателем.

— Та-ак... — Майор быстро натянул галифе. — А зачем двигатель?

— На седьмой поплавили бортовые подшипники.

— Та-ак... Давай быстрее с магнитом и движком. И следом за нами. Одна нога здесь, другая — там.

— Старшина! — крикнул в коридоре Бурлацкий, проверяя обойму пистолета. — Вызовите летучку. Вооружите дежурный взвод. Оцепить участок и все подходы. Чтобы муха не пролетела!

Ночной безветренный лес тих и таинственен. Над узкой проселочной дорогой висят тяжелые плети берез. В прыгающих лучах автомобильных фар они кажутся майору скорбно распущенными косами обнаженных белотелых женщин. Тревога и злость грызут майора: «Сразу на двух... Случайное совпадение?»

Сзади в темном кузове «виллиса» трясутся Купревич с Бурлацким. Они тоже хмуры и молчаливы. Им, и особенно Бурлацкому, не хочется верить, что случившееся произошло из-за не принятых вовремя мер предосторожности.

Перед деревней лес редееет. Березы отступают от дороги. Ветви их уже не хлещут по брезентовому тенту. И тут же фары выхватывают из темноты черный силуэт копра. Селивестров закуривает. Как знакома эта картина! Сколько аварий и поломок пришлось видеть на своем веку, и все равно всякий раз вид замолкшей буровой рождает безотрадное чувство. Молчаливая, без рабочего шума и огней, вышка всегда чем-то напоминает ему большого человека.

К остановившейся машине подбегает Гибадуллин. Хочет докладывать, но майор машет рукой — не требуется. И без того все ясно. При тусклом свете керосиновых фонарей буровая бригада вытаскивает из тепляка тяжелый,

высокий, похожий на большой черный самовар, нефтяной двигатель.

— Когда? — коротко спрашивает майор.

— В конце второй смены.

— Проспали, забыли добавить смазки?

— Никак нет. Бурили. Проверено — масла было по уровню.

— Так в чем дело?

— Будем выяснять.

— В коренные врезались?

— Так точно. На три метра. Известняк. Сильногрещиноватый.

Селивестров дает знак шоферу. Машина срывается с места.

На буровой номер шесть копер и тепляк ярко освещены электрическими огнями. Гулко стучит в ночной тиши работяга-движок. Селивестров входит в тепляк первым. Сидевшие у печки бойцы-буровики вскакивают.

— Товарищ майор!.. — начинает докладывать сменный мастер.

Майор опять машет рукой. Приказывает:

— А ну, попробуйте забой.

Бригада занимает рабочие места. Словно сбившись с шага на бег, громче и чаще стучит двигатель. Сменный мастер дает вращение станку и, медленно, осторожно действуя рычагом, опускает снаряд. И вдруг треск, грохот. Станок содрогается, трясется, пытаясь сорваться с ряжей, вращающийся снаряд пружинится, бьет о железную пасть кондуктора. Сменный мастер налегает на рычаг, где-то в глубине колонковая труба приподнимается над забоем — и нет грохота, нет рвущегося из устья скважины треска, ровно и быстро крутится шпиндель станка.

— Так! — угрюмо констатирует майор. — Ясно. Делайте подъем.

Пока производят подъем, он не произносит ни слова, и лишь тогда, когда из скважины выныривает мокрая, блестящая колонковая труба, подходит к станку. Навертнутая на конец трубы буровая коронка щербата, изуродована. Вчеканенные в ее торец победитовые резцы частью сломаны, частью выбиты начисто.

— Неужели об металл? — спрашивает Купревич.

— Не иначе, — подтверждает майор и обращается к буровикам: — Как и когда это произошло?

— Сразу после пересменки. Сделали спуск и... — сменный мастер недоуменно разводит руками, на лице виноватое выражение. — Когда мы на смену пришли, бурение шло полным ходом.

— Может, уронили что?

— Никак нет, товарищ майор. Как предыдущая смена подъем сделала — сам закрыл скважину предохранительным фланцем.

— Не помните, не случилось, что выходили из тепляка все, никого на вышке не было?

— Было. Во время пересменки. Сразу обеими сменами трубы обсадные сортировали, готовились к обсадке, — мастер кивает на трубы, поднесенные к самой двери тепляка.

— Кто в это время приходил?

— Никого не было. Только старший мастер да Крутойрцев с Зубовым. Известняк в ящиках за вышкой смотрели.

— А если получше вспомнить, — вмешивается Бурлацкий.

— Да нет... Больше никого не видели, — мастер пожимает плечами.

— Так... — Селивестров поворачивается к своим спутникам. — Придется подождать электромагнит. Без него здесь делать пока нечего. — И выходит из тепляка.

Купревич с Бурлацким следуют за ним.

Метрах в ста, за деревьями, — тоже электрические огни. Там, почти у самых домов, рокошет дизельная электростанция, веско и глухо поухивает станок ударно-механического бурения. При каждом ударе тяжеленного долота вздрагивает под ногами земля. Ударник только вечером забурился.

— И как вы понимаете, Петр Христофорович, всю эту историю? — нарушает тяжелое молчание Купревич.

— Делать выводы рано, Юрий Наумович, — неохотно откликается майор. — Надо подождать. Давайте-ка сходим на ударник.

Через час возле ударника появляется злой, взопревший Гибадуллин. Он очень возбужден и взволнован.

— Вот, товарищ майор. Полюбуйтесь. — И протягивает листок глянцевої бумаги.

Майор идет ближе к станку — там светлее. На листке большое масляное пятно с темными крапинками. Непонимающе оглядывается на лейтенанта.

— Видите... — Гибадуллин тычет грязным пальцем в крапинки. — В масле оказался песок! Это на седьмой. На шестой масло чистое. Весь бочонок профильтровали — чистое! А на седьмой... Поэтому подшипнички того...

Селивестров с Бурлацким обмениваются понимающими взглядами. Майор утвердительно кивает. План действий уже обсужден в деталях.

— Зубов! — кричит в сторону станка старший лейтенант.

Из-за кучи керновых ящичков появляется старший коллeктор — он будто ждал, что его позовут.

— Далеко у вас контора? — спрашивает его Бурлацкий.

— Совсем рядом. Вон тот пустующий дом под контору сняли.

— Добро. Слушайте внимательно... — Старший лейтенант понижает голос. — Идите в общежитие и поднимите всех старших и сменных мастеров. Всех свободных от вахты. Постройте — и всех в контору. Захватите на каждого из них по листу чистой бумаги и карандашу.

— Будет сделано.

— И вот еще... — Бурлацкий оглядывается на Селивестрова. — На всякий случай возьмите личное оружие. В карман. Если кто-либо сделает попытку к бегству — делайте сигнальный выстрел в воздух. Но не по беглецу!

У Вани Зубова, совсем недавно ставшего солдатом, растерянно опускаются руки.

— Ничего, ничего! — старший лейтенант хлопает его по плечу. — Привыкайте. — И опять оглядывается на Селивестрова.

Майор одобрительно кивает.

Бурлацкий с Зубовым уходят в темноту.

— Может быть, мне с ними? — неуверенно спрашивает Купревич, с надеждой взирая на кобуру Селивестрова.

— Не требуется, Юрий Наумович, — мягко произносит майор. — Пусть каждый делает свое дело. — Оживляется, заметив в лесу огни автомашины. — Пойдемте-ка лучше на шестую. Сейчас предстоит увидеть нечто любопытное...

— Электромагнит привезен! — вскидывает руку к виску выпрыгнувший из кабины Крутойярцев. — Запасной двигатель разгружен на буровой номер шесть. Через час будет смонтирован.

— Очень хорошо, капитан, — внешне невозмутимо говорит Селивестров. Купревич, которого с непривычки бьет внутренняя дрожь, невольно завидует его характеру.

Майор поворачивается к Гибадуллину.

— Что ж, дело за вами. Будем подключаться. Электрики готовы?

— Так точно. Сейчас приступим.

...Штанги, на которые навернут электромагнит, и вьющийся рядом с ними кабель медленно опускаются вниз. Люди пристально следят за уходящим в скважину снарядом, за каждым движением сменного мастера и дежурного электрика. Контрольная отметка на последней штанге подползает к устью скважины. Все невольно подаются к станку. Снаряд встает на забой.

— Включайте! — коротко командует Селивестров.

Гибадуллин хватается за ручку рубильника.

И опять все следят за движением снаряда и кабеля. Только движутся теперь они вверх. Движутся еще медленнее, чем опускались. Буровики осторожно сворачивают свечу за свечой, электрик сматывает на катушку кабель. Наконец из земли выныривает массивный футляр электромагнита. Крутоярцев ловко подсовывает на устье защитный фланец.

— Выключайте! — тихо произносит Селивестров и протягивает руку к магниту...

В это время в конторе происходит необычная процедура. Рассадив сонных, удивленных мастеров за столы, выдав каждому по листу бумаги и по карандашу, Бурлацкий строго говорит:

— Сегодня на участке, как вам известно, произошли чрезвычайные происшествия. Для выяснения кое-каких обстоятельств нужна ваша помощь. Прошу каждого подумать, вспомнить минувший день и написать: кого вы видели во время ночной пересменки входящим на буровую номер шесть, направлявшимся туда или оттуда...

По тесному помещению проносится вздох удивления.

— Второе. Кого днем или вечером видели возле площадки горюче-смазочных материалов?

Еще большее удивление.

— Я не тороплю вас. Подумайте хорошенько. Вспомните все мелочи и пишите только правду. — Бурлацкий не питает излишних иллюзий — наработавшиеся за день, оторванные от сна люди совершенно не обязательно должны кого-то уличить, тут расчет в другом.

В руке у Селивестрова тяжелое слесарное зубило. Закаленная сталь изгрызана и изорвана победитовыми резцами. Он искорежен — и все-таки страшен! — этот кусок безобидного металла, ставшего опасной преградой на пути буровой коронки.

— Ваше? — Селивестров смотрит на буровиков.

Сменный мастер бросается к верстаку, пересчитывает переданный по смене инструмент. С облегчением вздыхает.

— У нас все на месте. Точно по счету. И вообще... — Он глядит на раскрытую ладонь майора. — На всех вышках зубилья из шестигранника, а это... Это круглое!

— Х-хорош п-подарочек кто-то п-подкинул! — чуть заикаясь, произносит Крутойярецев: когда его охватывает злость или возмущение, он всегда немного заикается. Капитану отлично известно, каких бед могло натворить проклятое зубило — могло заклинить снаряд на забое, могло порвать штанги...

— Надо оцепить участок! — хватается за пистолет Гибадуллин.

— Не горячитесь, лейтенант. Это уже сделано, — цедит сквозь зубы майор и намертво сжимает зубило в кулаке. — Прошу всех за мной.

Бурлацкий сидит на подоконнике углового окна. Сидит с невозмутимым лицом, неторопливо разминает папиросу. У двери, сунув руку в карман, воинственно нахохлившись, стоит долговязый Ваня Зубов. Мастера склонились над листочками: кто грызет карандаш, кто чешет затылок, кто затаенно зеваает. Изредка кто-либо из них принимается писать.

Бурлацкий не торопит. Стараются не глядеть на Коротева, который беспокойно вертит маленькой стриженной головой — норовит заглянуть в листки соседей. Он давно уронил карандаш, но не замечает этого.

Возле конторы шум шагов, приглушенные голоса. Топот в коридоре. Дверь распаивается. Первым входит Селивестров. Он держит что-то в кулаке, подходит к Бурлацкому, показывает.

Старший лейтенант встает, с бесстрастным лицом собирает листки. Мельком заглядывает в них. Записи лаконичны и однотипны: «Не обратил внимания», «Не помню, не до наблюдений было», «Всех не упомнишь, весь день по участку шастает народ», «Видел, как младший рабочий наливал из бочки нефть в ведро. Это было приблизительно в...» А у Коротева листок чист.

Бурлацкий возвращается к майору, показывает листки. Тот кивает, бросает взгляд на Коротева, затем резко поворачивается к сидящим за столами мастерам, разжимает кулак:

— Кто бросил в скважину эту игрушку? Кто?

И вдруг стук оконных створок. Мелькает в черном проеме узкая спина. Коротеев... Старший лейтенант тотчас подскакивает к угловому окну, дает выстрел вверх, в черное звездное небо.

— Всем в погоню! — командует майор. — Взять живым!

«Виллис» медленно ползет по лесу. На всякий случай держа оружие наготове, Селивестров с Бурлацким пристально всматриваются в темноту, каждый со своей стороны машины.

— Может, вправо? — неуверенно спрашивает молодой шофер.

— Прямо! — приказывает майор. — Только прямо. — Он по опыту знает — насмерть перепуганный человек в ночной мгле петлять не станет, помчится сломя голову в первоначальном направлении.

Обгоняя медленно ползущий вездеход, отделение за отделением, вправо и влево, бегут в лес поднятые по тревоге красноармейцы-буровики. В свете фар черные стволы, разлапистые кусты... И вдруг майор приподнимается с сидения, открывает дверцу и внимательно прислушивается.

— Глуши! — приказывает он шоферу и выскакивает из автомашины.

Бурлацкий следует за ним. Они бегут на шум голосов. Шофер разворачивает машину, светит им вслед фарами.

На небольшой поляне свалка. Сгрудившиеся бойцы, мешая друг другу, с остервенением бьют кого-то. Перекрывая гул разъяренных голосов, тонко и истошно звенит вопль:

— Братцы, не убивайте! Не надо... Ой!

— Отставить! — властно кричит Бурлацкий и, опередив майора, бросается в толпу. Энергично работая локтями, расталкивает рассвирепевших бойцов. Хватает лежащего беглеца за ворот, рывком поднимает с земли, ставит на ноги.

— Братцы... — лицо Коротеева в грязи, из разбитых губ и носа бежит кровь. — Не убивайте, братцы... Я все скажу! Я всех знаю...

Бурлацкому не раз говорили, что допрос, как заключительный этап следствия, — самая интригующая и интересная часть любого криминального процесса. Но на допросах по своему первому самостоятельно проведенному делу старший лейтенант испытал разочарование. Ничего интересного не обнаружил он в людях, арестованных на основании показаний Коротева.

Вадим Валерьянович — махровый сластолюбец, пошляк, стяжатель. В гражданскую войну был врачом в колчаковской армии, участвовал в карательных экспедициях против сибирских партизан, что тщательно скрывал. В довоенное время спекулировал дефицитными препаратами, занимался подпольной врачебной практикой. Все это и привело его в лапы фашистской разведки.

На одном из крымских курортов вздумал он волочить за смазливой дамочкой, открыл ей душу. Остальное для немецкой шпионки оказалось делом элементарной «техники». Благообразный доктор трусливо поддался на простейший шантаж. Сначала выполнял мелкие поручения по фабрикации различных медицинских справок, принимал на ночлег незнакомых людей. Затем, став членом окружной комиссии, передавал резиденту копии военно-медицинских документов. Вербовка Коротева и умерщвление Студеницы — уже логическое завершение падения. Присутствуя на допросах, Бурлацкий не видел перед следователем холеного аристократа, каким доктор рисовал-

ся по рассказам Коротеева. Сидел некогда массивный, а теперь сутулящийся, дряблошекий человек, старавшийся каждым жестом, каждым словом вызвать к себе сострадание. Нет, Вадим Валерьянович не пробовал запыряться, понимал — бесполезно. Но признания свои сопровождал тяжкими вздохами, жалобами на истощенную нервную систему, ослабленную волю.

— Поймите психику полуразбитого человека, которому ежедневно угрожали физическим уничтожением! — И прижимал руки к груди. — Ведь он так жесток, так беспощаден, так коварен! — Это о резиденте, которого Коротеев именовал «бодрячком в пушистой шапке».

Отказаться от этих глупых жалоб его не могли заставить ни напоминания о жестоком умерщвлении Студеницы и умелой вербовке Коротеева, ни усмешки следователя. Вадим Валерьянович, очевидно, уверовал, что только таким способом может спасти свою кожу.

Ибрагимов вел себя по-другому. Крымский татарин, помещик, бывший врангелевский офицер, он люто ненавидел Советскую власть. Когда-то бежал с врангелевцами в Турцию, оттуда перебрался в Германию. Голодал, нищенствовал, работал, где придется, и все-таки продолжал ненавидеть Советы. С началом войны добровольно предложил свои услуги фашистам. Был заброшен в Алма-Ату, а оттуда в Песчанку.

На допросах вроде бы дремал, прижмурив единственный глаз. На вопросы отвечал односложно, угрюмо. Во всем облике Ибрагимова сквозило патологическое равнодушие и к судьбе недавних сообщников, и к своей собственной. Полуживая апатичная развалина, осознавшая наконец крах всех своих жизненных иллюзий...

Монтажник Николай оказался действительно монтажником. Не шибко грамотный и не шибко умный поволжский немец, насквозь пропитанный великогерманским

шовинизмом. До войны работал монтажником в Пскове. Копил деньги, слушал тайком фашистские радиопередачи — вот и все интересы. Лелеял мечту обзавестись хорошей усадьбой где-нибудь на Волге или на Кубани. Будучи призванным в армию, через неделю дезертировал и подался к гитлеровцам. Хотел вступить добровольцем в немецкую армию и завоевать себе право на вожделенную усадьбу. Получилось же не так. Сначала очутился на краткосрочных курсах абвера, а потом было приказано пробраться в Зауральск.

Перед столом следователя трепетал, словно осиновый лист. Ничего, кроме животного страха, не смог увидеть Бурлацкий на бледном крючконосом лице тридцатитрехлетнего детины.

— Честное слово! Ничего плохого не сделал. Только выкрал в тресте документы. Так это все доктор... Он! Он наводил. А я... Я человек маленький. Послали — поехал. Куда денешься!

Сам резидент, «бодрячок в пушистой шапке», — Иван Федосеевич Крылов — сначала показался фигурой более колоритной. Сперва все отрицал, добродушно похохатывал, удивлялся следователю, принявшему его за кого-то другого. Роль улыбчивого рубахи-парня вел умело. Но после очных ставок исчез простяга Крылов. Остался кадровый агент немецко-фашистской разведки Финк, сумевший определить самое слабое звено Песчанского химкомбината — водоснабжение — и нацеливший деятельность своей агентурной группы в этом направлении, а теперь весьма озабоченный своей судьбой. Правда, и после первых вынужденных показаний продолжал юлить, жаловался на давнюю контузию, из-за которой ослабла память.

— На что вы надеетесь, Финк? Ведь полная искренность в ваших интересах!

Сполз румянец с полных щек резидента, ярче выступили веснушки на побледневшем лице. Нервно сцепив пальцы, назвал местонахождение «смазливой дамочки», которая завербовала и «передала» ему осанистого Вадима Валерьяновича. И, сказав это, заторопился, уже не желая сдерживать себя:

— Могу сообщить весьма важное. Германское верховное руководство весьма встревожено темпами восстановления эвакуированных предприятий оборонной промышленности СССР. Да, да, это так! До осени наша деятельность ограничивалась представлением соответствующей информации, но впоследствии поступил приказ перейти к активным действиям, сорвать эти темпы... Записывайте. Только прошу отметить, что эти показания я даю совершенно добровольно. Я располагаю обширными сведениями и могу быть полезен вам!

Вальтер Финк явно набивал себе цену — он откровенно боялся за свою жизнь, хотя изо всех сил старался сохранять внешнее достоинство. Бурлацкому это почему-то показалось смешным. На предыдущих допросах Финк признался, что был штурмовиком, участвовал в еврейских погромах, присваивал имущество, за счет чего основательно нажился. При разделе имущества одной из репрессированных семей поссорился со своим напарником и в драке тяжело ранил его. Дабы избежать тюрьмы, согласился стать сотрудником всемогущего в то время абвера...

Глядя на бывшего мародера, старавшегося изобразить важную персону, Бурлацкий с трудом сдерживал невольную улыбку. В нем росло подспудное ощущение, что присутствует не в следственном кабинете, а в лавке человеческого утиля.

Вообще-то старшему лейтенанту присутствовать здесь было не обязательно. Для производства дознания из Мо-

сквы специально прибыл майор Гладильщиков, и Бурлацкий уже мало чем мог помочь этому многоопытному чекисту. Но было все-таки любопытно: как-никак, самолично провел эту операцию, да и неловко как-то столкнуть на плечи Гладильщикова все оставшиеся заботы по завершению дела.

Сегодня Гладильщиков преподнес Бурлацкому сюрприз. Вручил пришедшее из Москвы распоряжение: старшему лейтенанту предписывалось и в дальнейшем оставаться в подразделении майора Селивестрова. Это так обрадовало молодого чекиста, что он не сумел сдержаться и присвистнул с мальчишеским восторгом.

Гладильщиков не усмотрел в этом ничего зазорного. Почесал рано облысевшую голову и завистливо пробурчал:

— Радуюсь... Оно, конечно, приятнее служить при основной своей специальности. Двойная польза. И себе, и всем. А я вот сколько лет ляжку тяну — ну хоть бы одно дело по столярной отрасли попало! Краснодарецкий. Потомственный! Работка, я тебе скажу, стоящая. — И мечтательно закатил серые глаза.

— Уважаемая профессия, — охотно согласился Бурлацкий.

— Н-да... Красоту своими руками... — Гладильщиков посмотрел на свои сильные руки и задумался. Потом спохватился: — Время-то... Пора за дело браться. Ну, тебя, ясное дело, здесь теперь никакими коврижками не удержишь.

— Почему... До обеда побуду, — пожалел следователя Бурлацкий. — Может, потребуеться какая-нибудь справка...

— Может, и потребуеться, — согласился майор.

И вот уже который час Бурлацкий сидит в душном сумеречном кабинете и рассеянно слушает беседу Гладильщикова с подследственными. Одни и те же вопросы, одни

и те же ответы. Тяжкий хлеб у Гладильщикова. В десятый, сотый раз интересуется он давно известными мелочами, сравнивает, анализирует — ищет, не мелькнет ли в показаниях новый факт, новая фамилия. Ему важно убедиться — не имела ли группа Финка связи с другими звеньями немецко-фашистской агентуры? Ради этого он способен задавать вопросы-близнецы хоть тысячу раз. А у Бурлацкого впереди другие, свои дела. И потому мысли его то и дело уносятся далеко...

Через два дня Первое мая. Но настоящий праздник в Синем перевале сегодня. Именно сегодняшний день Селивестров назвал контрольным. Никто майора за язык не тянул. Прикинул, подсчитал — и объявил во всеуслышание, что двадцать восьмого апреля станет ясно, получит ли Песчанка «большую воду». Поэтому в Синий перевал сегодня выехала авторитетная комиссия. Прилетели из Москвы Дубровин, Прохоров и Кардаш. Сейчас все в веселом зеленом лесу, возле недавно пробуренных скважин, а он, Бурлацкий, вынужден сидеть здесь и слушать унылое бормотание перепуганных подонков.

Откачки из скважин идут уже десятый день. Сразу из четырех. Дебит — более ста литров в секунду. Как раз то, что надо. А он, Бурлацкий, за все эти дни сумел лишь один раз побывать на участке — полюбоваться.

То, что много воды, — хорошо. Но это еще не все. Неизвестно — долгие ли скважины будут давать такое количество. Потому Селивестров приказал разбудить во все стороны от будущего водозаборного узла «лучи» наблюдательных скважин. Вот эти-то наблюдательные скважины и должны показать, какова водообильность обнаруженных в Синем перевале известняков. Если динамические запасы подземных вод малы, то уровень воды в сква-

жинах резко понизится. Как говорят гидрогеологи, вокруг водозабора начнет интенсивно расширяться так называемая депрессионная воронка. Селивестров решил, что для стабилизации этой воронки достаточно десяти дней.

Бурлацкий не замечает, что курит папиросу за папиросой, что некурящий Гладильщиков морщится и часто кашляет в кулак.

Хоть бы не подвела эта проклятая воронка, хоть бы была поменьше, хоть бы скорее кончал Гладильщиков сегодняшние беседы — тогда на машину и прямым ходом в Синий перевал! Если все хорошо, пожать руку отчаянному майору, презревшему риск, посмотреть, как будут радоваться успеху неласковый Батышев и пресимпатичная Соня. Она, конечно же, должна быть там. По слухам, между майором и бывшей невестой вновь возникло что-то настоящее. А может, это настоящее никогда и не исчезало?..

— Кончал бы дымить. Побереги легкие. Они тебе еще пригодятся. Вся жизнь впереди... — бурчит Гладильщиков. Он, оказывается, отпустил последнего подследственного и утомленно собирает со стола бумаги.

— Пороть тебя некому. Эка накопил в кабинете! Бросай-ка свою соску, пойдем пообедаем.

— Какой тут обед! — Бурлацкий торопливо хватается с подоконника фуражку. — До свидания, товарищ майор. Надо сегодня успеть к постоянному месту службы. Уж не гневайтесь... Там тоже дела!

— Ну-ну... — Гладильщиков и в самом деле не обижается. — Ясно. Давай пять. Лети.

Возле центрального водоотвода людно. Члены комиссии весело топчутся у широченной горловины трубы, из которой бьет мощная струя воды. Они ждут Селивестро-

ва, который придирчиво проверяет записи в журналах наблюдателей и что-то чертит в своей пикетажке. Особенно весел Батышев. Забыв о директорской солидности, он резво бегаёт взад-вперед вдоль водоотвода, что-то прикидывает, щурясь то на копры буровых вышек, маячащих среди деревьев, то на журавлиные шеи экскаваторов, выведших траншею из леса.

— Глеб Матвеевич, — обращается к директору Кардаш, — имеющееся количество воды удовлетворит нужды комбината и поселка?

Батышев зачем-то подставляет ладонь под студеную струю, приглаживает жесткий седой бобр, потом деланно вздыхает:

— Желательно иметь больше...

— Селивестров считает, что можно будет брать в полтора раза больше. Удовлетворит?

Батышев подозрительно глядит на генерала, тянет с ответом — нюхом опытного хозяйственника чувствует какой-то подвох.

— Так удовлетворит?

— Это как смотреть... Собственно, зачем вы это спрашиваете?

— Должны же мы знать перспективные потребности Песчанки.

— Перспективные... Они безграничны, — дипломатично произносит Батышев. — Мы будем расти...

— Ну, а на имеющийся объём производства, Глеб Матвеевич?

— Хм... Надо подсчитать. — Многоопытный директор не желает называть конкретную цифру, которая, конечно же, отлично ему известна. — К чему такая спешка?

Члены комиссии смеются. Им понятна осторожность хитрого Батышева.

— А к тому, что после завершения работ в Синем пе-

ревале подразделение Селивестрова будет переброшено на другой объект, — раскрывает карты Кардаш.

— Ну, дудки! — вскипает Батышев, взмахивая руками. — Знающие специалисты и нам нужны! Хватит, намыкались! Дайте и нам пожить спокойно.

— Есть много других важнейших объектов, где проблема водоснабжения стоит не менее остро.

— И слушать не хочу! Мы в ближайшие дни намерены войти в правительство с предложением о расширении комбината.

— Вторую очередь Селивестров обеспечит. И к тому же... — Кардаш щурится с ехидцей. — И к тому же, насколько нам известно, личные взаимоотношения с командиром подразделения у вас далеко не блестящи. Может, вам лучше расстаться?

— Расстаться... Кто вам сказал такую чушь? — искренне возмущается Батышев, будто это не он терзал майора безапелляционными требованиями. — У нас великолепный деловой контакт!

Приехавшему Бурлацкому открывается веселая картина. Почтенные члены комиссии, словно школяры, увлечены жарким спором. Рыбников, Купревич и Батышев насаждают на Кардаша, Дубровина и Прохорова — доказывают, что подразделение Селивестрова ни в коем случае нельзя снимать с Песчанки или, по крайней мере, перебрасывать за пределы маловодной Зауральской области.

Самого Селивестрова этот спор словно не касается. Он сидит в сторонке на керновых ящиках и чертит в пикетажке. Рядом с ним сидит Софья Петровна. Бурлацкий ловит себя на мысли, что ему очень приятно видеть рядом с Селивестровым эту изящную кареглазую женщину. Она в военной форме. «Ого! — отмечает про себя старший лейтенант. — Если она назначена к нам в часть...»

— Привет, Николай Васильевич! — зычно приветствует его майор, широко улыбаясь. — Вырвался-таки?

— Так точно! — Бурлацкий по-уставному козыряет. — Прибыл для постоянного прохождения службы!

— Ну, это, друг мой, совсем здорово! — еще веселее басит Селивестров и мощно пожимает Бурлацкому руку. — В самый раз. Работы выше головы! — И кивает в сторону Софьи Петровны. — Знакомься. Наш новый сотрудник. Начальник камеральной группы.

— А мы знакомы.

Красное, обветренное лицо майора совсем багровеет. Он беспомощно вертит меж толстых пальцев карандаш, мучительно подыскивая слова.

— Ну, как тут у вас? — спешит ему на помощь Бурлацкий. — Воды достаточно? Качество удовлетворительное?

— Все очень удачно, Николай Васильевич, — мягко произносит Софья Петровна. — Есть чем гордиться. Водоприток обилен и постоянен. А качество...

— Качество — лучше не требуется! — обретает себя Селивестров. — Как говорит дед Лука, вода в самом деле сладчайшая! — И протягивает Бурлацкому пикетажку. — Ты посмотри... Водоприток-то! Пальчики оближешь. Направление потока строго с запада на восток. Видишь? С западной стороны наблюдательные скважины почти не дали понижения уровня. А ведь берем более ста литров в секунду. Значит, еще полсотни гарантировано!

Бурлацкий разглядывает схему. Плавные линии гидроизогипс чуть вытянулись от водозаборных скважин на восток.

— Красота! — радуется майор. — Прямо-таки счастье принес нам этот Синий перевал.

— Выходит, не зря рисковали, Петр Христофорович?

— А-а... какой тут риск! — беззаботно отмахивается

Селивестров. — Вернейшее дело! — Ему сейчас море по колено.

— Тогда, выходит, скоро прощаться будем с Синим перевалом?

— Прощаться так прощаться! — с прежней легкостью отмахивается майор. — Наше дело солдатское. Чего нам тут мозолиться? Тут теперь все загадки разгаданы. — И шуруется на ясное синее небо: — А денек-то сегодня... Считай — настоящее лето!

Бурлацкий оглядывается и только тут замечает, что этот предмайский день и в самом деле отменно хорош — слепящее солнце греет по-летнему ласково и жарко.

— Денек-то сегодня... — повторяет Селивестров и вдруг озорно подмигивает старшему лейтенанту: — А не искупаться ли нам? В сладкой-то водиче, а? — И расстегивает широкий поясной ремень.

Бурлацкий охотно скидывает гимнастерку. По пояс голые, оба бегут к подрагивающей от мощного напора горловине водоотвода.

Члены комиссии прекращают спор, наблюдают, как майор со старшим лейтенантом, прихивая, лезут под студеную струю.

— Чего же вы? Давайте за компанию! — кричит Селивестров. — Или кабинетную пыль смыть боитесь?

Члены комиссии переглядываются, мнутя.

— Ого-го-го! — шумно гогочет Селивестров. — Хор-р-рош-ша-а-а!

Купревич, поколебавшись, шутливо бросает Прохорову:

— Помирать — так с музыкой! — И энергично скидывает пиджак. Белый, нежнотелый, с бесшабашной отчаянностью лезет к горловине.

Конфузливо оглянувшись на Дубровина с Кардашем, Прохоров следует его примеру.

Растирая мокрую мускулистую грудь, Селивестров блаженно запрокидывает голову, глядит вверх. Ему хочется сказать старому профессору и генералу, как хорошо плескаться вот так в сладкой студеной воде под безоблачным отчим небом, но к красивым словам он не привык и потому снова лезет под струю, снова восторженно гогочет:

— Ого-го-го!

ОГЛАВЛЕНИЕ

5	Обычная история
9	Считайте себя на передовой
23	Вам надлежит выехать в Москву
30	Новое задание
38	Начинать придется с нуля
45	Кто второй?
57	Просвета не видно
70	Решение было верным
77	Когда бояться смерти
101	Синий перевал
114	Время ожидания
126	Авария
140	Сладкая вода

Редактор А. М. Граевский.
Художественный редактор
М. В. Тарасова. Технический
редактор В. Н. Филиппов.
Корректоры Л. К. Крама-
ренко, Е. П. Божанова.

Владимир Васильевич Волосков

СИНИЙ ПЕРЕВАЛ

Сдано в набор 12/V-1968 г. Подписано в печать 2/VII-1968 г. Формат бу-
маги 70×108¹/₃₂. Печ. л. 4,75 (усл.-прив. л. 6,65); бум. л. 2,375; уч.-изд. л. 6,543.
Л502295. Тираж 100 000 экз. Цена 29 коп. Пермское книжное издательство, г. Пермь,
ул. Карла Маркса, 30. 2-я книжная типография управления по печати, г. Пермь,
ул. Коммунистическая, 57. Зак. 749.

29 коп.